

Борис СТОМАХИН

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Киев, 2018

Стомахин Б.

О смысле жизни, Киев, 2018. 120 с.

Данная книга представляет собой философские рассуждения о смысле жизни Бориса Стомахина — российского публициста, на момент выпуска книги — политического заключенного, осуждённого за публикации, в которых он подвергал жесткой критике политику России.

Я чужд надменной укоризне,
Весьма прекрасна жизнь того,
Кто обретает смысл жизни
В напрасных поисках его.

Игорь Губерман

Откуда взялся смысл, который мы
вкладываем во всю эту бессмыслицу?

Станислав Ежи Лец

I. НЕТ — ЗНАЧИТ, И НЕ БЫЛО?

1. Есть такая старинная русская песня — «Быстры, как волны, дни нашей жизни». В СССР она считалась как бы «белогвардейской», старорежимной. Пели ее чаще всего русские эмигранты в Европе первых послереволюционных десятилетий.

В этой песне есть такая строчка: «Умрешь — похоронят, как не жил на свете».

Действительно, умрешь — или закопают, или сожгут. Что же остается от человека после его смерти?

Не обязательно умирать, чтобы попытаться хотя бы вчерне, предварительно ответить на этот вопрос.

Допустим, вы легли в больницу на серьезную операцию, после которой вам предстоит еще длительное восстановление, реабилитация и т.д. Вы выключены из всей своей прежней, обычной жизни надолго.

Родные (если они есть) и друзья, конечно, будут навещать вас в больнице, приносить традиционные апельсины, может быть, даже выводить вас гулять в больничным парк.

Но вы спросите их как-нибудь: от того, что вы выпали на долгие месяцы из своей постоянной ниши, исчезли из привычного порядка вещей — поменялось ли хоть что-нибудь в окружающем мире? Заметил ли кто-нибудь, кроме родных и ближайших друзей, ваше отсутствие?

Вы, может быть, удивитесь, но — нет. Для мира, в глобальном значении этого слова, ваше исчезновение из привычной ниши не стало ни в малейшей степени событием. Все движется и крутится по-прежнему в мире — БЕЗ ВАС! Катастроф не произошло, связь времен, явлений, событий не порвалась, Земля со своей орбиты не сошла... Мир тот же, что и был — но без вас! Будь вы водителем троллейбуса — ваш троллейбус по тому же маршруту ведет уже другой водитель; будь вы школьным учителем — ваши часы отданы на замену другому, и детям уже объяснили, что это есть кому делать вместо вас — тут много умения не надо.

Или представьте, что вы известный журналист, публицист, диссидент, враг и обличитель правящего режима. Ваши статьи жгли глаголом сердца тысяч людей, вас цитировали другие публицисты, вам потоком шли письма читателей, восторженные или негодующие...

И вот вас арестовали. И от адвоката, от ближайших друзей и родных на свидании вы узнаете, что, как ни странно, шума по этому поводу очень мало, почти что нет. Ну, поговорили в соцсетях, повозмущались дня три-четыре, а потом появились другие горячие темы. Ну, неспешно собираются подписи разныхVIP-персон под письмом протеста (которое, конечно же, ни на что ровным счетом не повлияет). Но — на улицу требовать вашего освобождения никто не вышел, толп ваших возмущенных читателей что-то не наблюдается, ОМОНу некого разгонять. Кремль и Лубянку из-за вас уж точно никто не штурмует. На ТВ и в крупных и официальных газетах — ясное дело, тоже тишина.

Когда академика Сахарова в январе 1980 г. схватили, и, даже без всякого суда, отправили в ссылку в Горький на семь лет — много ли было протестов? Были ли толпы на улицах, были ли хотя бы демонстрации возмущенных академиков, его коллег? Коллеги если и впряглись защищать Сахарова, то гораздо позже и без всякого, так сказать, обличительного пафоса в

отношении режима (да и без особого шума)! А народу, ради освобождения которого от тирании Сахаров принес столько жертв и в итоге пожертвовал жизнью (ибо смерть его была крайне подозрительна в смысле возможного отравления его КГБ), было на него глубоко наплевать...

Вот и первое приближение к ответу на наш вопрос. Что же остается от человека, как итог его жизни? После того, как его не стало — кто вообще его вспомнит и чем? И если оказывается, что и без него все движется точно так же, как и при нем, что его ухода мир (большой мир, а не его родные и друзья!) не заметил точно так же, как в свое время не заметил его прихода, — то не значит ли все это, что, действительно «умрешь — похоронят, КАК НЕ ЖИЛ на свете»? Что был ты или не был — в итоге разницы нет?

Но зачем же тогда и сама жизнь? Зачем она дается нам, раз в итоге она все равно потом отнимается — и ровно ничего в мировом раскладе сил, элементарных частиц, ветров и течений это не меняет?

Это что-то из разряда проверки алгеброй гармонии. Если $a=b$, $a=b=c$, то следовательно, $a=c$. Так и тут. Если после нас все остается точно так же, как было и до нас (не считая технического прогресса, конечно, — но не все мы, увы, эйнштейны, циолковские или хотя бы сахаровы) — то, значит, наше бытие равно нашему же небы-

тию. Но так как наше личное небытие равно небытию вообще (ведь если нас нет для этого мира — то и его для нас нет) — значит, действительно, что жил, что не жил — один черт! Можно было и вовсе не рождаться, не учиться говорить, не падать после первого младенческого шага, не мучиться от прорезывания первых зубов, не приносить первые «пятерки» и первые «двойки» из школы.

Получается точно по формуле Остапа Бендера, укравшего ладью с доски у одноглазого васюкинского любителя-шахматиста:

— Нет — значит, и не было!

2. Вот он родился, этот новый гражданин, европеец, землянин. Акушерка, как полагается, дает ему легкий шлепок — и из его рта вырывается первый рев. Вот он — может быть, будущий Моцарт, Менделеев, Ньютон, Шекспир, новое светило науки или искусства, гордость человечества! Кто знает... А пока что — кроме настроения (и вообще перестройки всей жизни, особенно если это первенец) родителей — от него в этом мире ровно ничего еще не зависит.

А вот другая картина. Вот он уже умирает, этот наш бывший новорожденный. Ему уже лет восемьдесят, а то и восемьдесят пять; за плечами большая долгая трудная жизнь.

Может быть, он умирает в одиночестве — и некому подать ему стакан воды, некому закрыть его остекленевшие глаза. А может быть — возле него хлопочут доктора и сиделки, нанятые заботливыми с виду, но на самом деле больше всего жаждущими наследства детьми. Накопил ли он что-нибудь за жизнь? Да кто их знает, этих стариков, даже самых нищих с виду, сколько у них на самом деле в кубышке. Может быть, и накопил. (Но что ни Шекспиром новым, ни Моцартом не стал — это точно).

Но накопил или нет, один он на смертном одре или нет — кроме детей, семьи, близких друзей его смерть вряд ли кого-то огорчит. Большой мир совершенно не заметит его ухода — точно так же, как восемьдесят пять лет назад не заметил его появления...

Главное — научиться не путать свою семью, родню и друзей, даже если их много — с большим миром. С человечеством.

3. Если задать человеку эти вот банальные философские вопросы: в чем смысл жизни? для чего рождается и живет человек? — то большинство людей ответят на них тоже вполне банально:

— Ради детей. Для продолжения рода. Ради потомства. И т.д. и т.п.

Впрочем, это не только банальность. Это попытка свести все (весь смысл жизни, в частности) к чистой биологии. Но люди не замечают этого.

Дети... Подумаешь, дети! У кошки тоже есть дети — ну и что? Много ли ее заслуги в каждом котенке? Много ли ее (кошки) личности отражается в нем?

Нет. И более того: своего подросшего котенка кошка месяцев через четыре-пять уже не узнает, не замечает, не интересуется им. И если даже взять его в руки и поднести к ней — она злобно шипит и старается превентивно, на опережение, ударить свое чадо лапой...

Дети... «Детей иметь кому ума не доставало?» — на века сформулировал это соотношение лично-го и биологического Грибоедов в «Горе от ума».

Другое дело, что, во-первых, дети, а потом и внуки, есть все же у подавляющего большинства людей. А во-вторых, что океан забот, неизбежных при появлении и дальнейшем воспитании ребенка, большинству людей элементарно не оставляет времени на глубокие философские раздумья о смысле жизни. А если еще детей несколько, с одним надо в поликлинику, со вторым — в музыкальную студию, к третьему — на родительское собрание в школу; да еще работа, дом, магазины, — тут уж точно не до философских раздумий; к вечеру так вымотаешься — добраться только до кровати и уснуть!

Все эти бытовые заботы, все стадии роста и развития их ребенка (а потом и внука) — для большинства людей являются, так сказать, ре-

альным, осязаемым смыслом их повседневной жизни, данным им в ощущениях. Если не сводить ребенка сегодня с первыми симптомами к врачу — завтра может разболеться не на шутку, уже скорую вызывать, не дай бог, придется. Если не проследить, чтобы ходил в школу, не прогуливал — скажется в конце концов на аттестате, на возможности поступления в ВУЗ, на всей дальнейшей судьбе. И т.д. и т.п.

Вот большинству и кажется, что дети — это не только реальный, сиюминутный смысл лично ИХ жизни, но и СМЫСЛ ЖИЗНИ вообще, в глобальном, так сказать, смысле, для человечества в целом.

Но повседневные заботы о детях несколько заслоняют и сужают горизонт. Мешают видеть более отдаленную перспективу.

Ну хорошо, умершего старика провожают в последний путь дети, внуки, может быть, даже уже и младенцы-правнуки. Целая толпа в черном. Венки, цветы...

Поколение — это примерно (для ровного счета) двадцать пять лет. Век — это четыре поколения.

И вот спустя сто лет взрослый уже правнук (не тот, что орал на руках у матери во время похорон, а другой, родившийся лет на десять позже), дай бог, если будет вообще знать, как звали прадеда, откуда он был родом. Кто он был вообще. Редкая удача, если будет в семейном альбоме фотография — и можно будет увидеть, каким он был...

Часть родни уже умерла. С другой частью — из-за старых семейных дразг не поддерживаются отношения. Даже неизвестно, жива ли еще эта родня... Если фотокарточки нет или место рождения, скажем, неизвестно, — уже и узнать-то не у кого.

Прошло всего лишь сто лет. Для человека — это очень много. Но перед лицом Вечности сто лет — это ничтожнейшая пылинка.

Большевики выкорчевывали с корнем, сжигали старое русское дворянство, где каждый потомок знал десяток поколений своих дедов-прадедов. (Хотя и до большевиков кто только ни выкорчевывал местную знать: и Иван Грозный головы боярам рубил, и Петр I лично стрельцов казнил...). Правда, там и было КОГО знать: каждый из этих предков был личностью — не в смысле «высокодуховной личностью», а в смысле индивидуальности, отличия от окружающей массы, — у каждого были какие-то личные, персональные заслуги. Нынешняя же РФ на 99% состоит из потомков крепостных крестьян, то есть серых, лапотных, сиволапых иванов или семенов, слава о личных доблестях и заслугах которых дальше их деревни не шла. То бишь — прошлое выжжено, его нет, гордиться в нем поэтому нечем — да и знать, собственно, не о ком.

Может быть, какого-нибудь этого крепостного Ивана внук стал богатым купцом, имел свой магазин, свою славу и круг покупателей — и был

ограблен и расстрелян в 1917 или 1918 г. Но таких, увы, наберется очень немного на 140 млн. населения РФ.

Большевизм, конечно, много поспособствовал тотальной утрате смысла жизни на той 1/6 земной суши, которой почти на век выпало оказаться под его властью. Но именно поспособствовал. Суть проблемы глубже, она была задолго до большевизма. Именно об этой проблеме писал еще Экклезиаст: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки».

Растишь-растишь детей, стараешься, надрываешься, ночей не спишь... а через сто лет твой правнук не будет знать о тебе — кто ты был и каким ты был — считай, ничего. А если сын у тебя один, да еще если судьба его, не дай бог, неудачно сложилась — то, может быть, и внук лет через сорок-пятьдесят не будет ничего о тебе знать.

Вот тебе и «смысл жизни — в детях»...

Конечно, человек может ответить на это: да мне и не надо, чтобы они обо мне много знали, фото мое видели и т.д. Мне достаточно, что мой внук и правнук просто будут жить на свете, у них будут свои внуки и правнуки, мой род будет продолжаться в веках...

Но это и есть попытка свести весь смысл человеческой жизни к чистой биологии.

4. На детях великих, говорят, природа отдыхает. Но разве для этого обязательно быть великим?

Многие ли дети, став взрослыми, пошли по пути, предначертанному им родителями? Многие ли не обманули возлагавшихся на них родительских надежд и чаяний? Много ли родителей, под старость так уж полноправно гордящихся своими детьми (тем паче — внуками)?

Будущее непредсказуемо — за исключением того, что смерть неизбежна. Неизбежна всегда, для всех и в любом случае. Наверное, жестоко говорить счастливым молодым родителям, что их чадо все равно рано или поздно умрет. Не в младенчестве от кори или пневмонии — так лет в семьдесят от инфаркта, но только умрет оно обязательно. И не только жестоко, но и опасно: молодые родители могут и по башке дать пророку за такие пророчества... Что, однако, ничуть не опровергнет их сути. Да, смерть неизбежна, и всякий родившийся обречен уже тем самым умереть. «Жить вредно — от этого умирают», — как в анекдоте. Умрут не только дети, но и внуки, и правнуки — и уж больно слабой, больно эфемерной оказывается где-то там, в неведомой дали столетий, через семь или десять поколений, эта радость от того, что род твой все же будет продолжаться в веках. Ты будешь (точнее, твои косточки) давно уже истлевать в земле — а род будет жить, абсолютно ничего не зная о тебе, не пред-

ставляя, каким был ты — их пращур — и даже, вполне вероятно, от кладбища, где ты похоронен, через двести лет следа не останется, его расчислят и застроят домами.

Не маловато ли этой эфемерной радости о неведомых будущих прапраправнуках (совсем ничего о тебе не знающих) для того, чтобы считать ее смыслом жизни?

И это еще в лучшем случае. Бывает и так, что родители переживают детей, что внуки гибнут на глазах бабушек и дедов (а то и по беспечности последних), ЧТО назовет смыслом своей жизни отец, переживший своего сына и не имеющий больше ни наследников, ни времени для нового обзаведения ими?

Тоталитарная история XX века особенно богата такими вот поучительными примерами. Самый хрестоматийный — семейная пара Геббельсов, убившая не только себя, но и всех своих шестерых малолетних детей. Назвать ли это изверской жестокостью — или мудрой предусмотрительностью? Кто знает... Что случилось бы с этими детьми, останься они в живых? Всю жизнь их могла преследовать (и сильно эту жизнь сократить в итоге) вражда и ненависть к детям одного из главных нацистских преступников. Но при этом — и одно другому не помеха! И сами они могли отречься от таких родителей и публично предать их имена поношению и проклятью. Едва

ли того или другого варианта родители могли для них сознательно пожелать.

Несколько менее известен факт, что все четверо детей Троцкого — правда, уже взрослые, имеющие собственных детей — погибли раньше его самого. Пали они жертвами травли и ненависти, воздвигнутой против Троцкого — без преувеличения — по всему миру сталинской бюрократией. Старший сын, Лев Седов, ближайший помощник отца после изгнания из СССР во всех политических делах, был умерщвлен агентурой НКВД, когда лег во Франции (!) на операцию. Младший — Сергей Седов, сторонившийся любого участия в политике — остался в СССР, был арестован в 1937 г. и по лживому обвинению расстрелян. Одна из дочерей от первого брака, Зинаида Волкова, покончила с собой в 1933 г., т.к. после выезда в Германию на лечение была, как и ее отец, лишена советского гражданства, потеряв право вернуться в СССР к мужу и детям. И только одна-единственная дочь Троцкого, тоже от первого брака — Нина Невельсон — умерла в 1928 г. от туберкулеза, без явного или тайного вмешательства ГПУ.

Поневоле вспомнишь слова из Ветхого завета о том, что «бог-ревнитель» наказывает «детей за грехи отцов до третьего и четвертого колена» (Второзаконие 5:9)...

5. Российский революционер, марксист и коллективист Г.В. Плеханов писал: «Чем глубже проникает в человеческую душу индивидуализм, тем прочнее укрепляется в ней страх смерти».

Но что левые и вообще всякого рода коллективисты могут противопоставить — не «страху смерти», а — неизбежности смерти?

Ну, для начала — органическая, характерная черта левых состоит в полном игнорировании законов природы и нежелании их признавать. Будь то идея с поворотом вспять сибирских рек при поздней КПСС — или же всерьез, без шуток, признание «среднего пола» за желающими его иметь в наши дни. Да и левая идейка о том, что для получения хлеба и утоления голода надо не заработать себе на хлеб, а «экспроприировать буржуя» — она тоже, по сути, выдвигает «буржую» те претензии, которые на самом деле надо было бы предъявлять исключительно матери-природе (ибо это она создала человека постоянно нуждающимся в пище).

Так вот, о «страхе смерти». Индивидуальность, личность, ее самоценность левые не признают вообще. Поэтому смерть отдельного индивидуума, уникального и неповторимого, для них вовсе не горе, ибо ни уникальным, ни неповторимым они его не считают. Для них человек — просто частичка «класса», или «общества», или еще какого-то целого, не имеющая в этом целом

ни своего лица, ни своей индивидуальности, ни права на нее.

Сразу вспоминается из «Федота-стрельца, удалого молодца» Леонида Филатова:

Я полезных перспектив
Никогда не супротив.
Я готов хоть к пчелам в улей —
Лишь бы только в коллектив!

В самом деле, у пчелы в улье, у муравья в муравейнике — нет ни личности, ни имени, ни индивидуальности. Есть только рабочие функции, место в общем разделении труда. Когда умирает рабочий муравей или пчела — никто в улье или муравейнике не плачет, не проводит похорон, не ставит памятников... Это ли — роль муравья среди тысяч таких же безликих муравьев, песчинки на берегу океана — наш смысл жизни?

У левых все просто. Коллектив — все, единица — ничто. «Голос единицы — тоньше писка». Смысл твоей жизни — влиться в общемировое вещество, стать в нем частью каких-то иных форм — и только. Ну да, когда тело твое истлеет в земле — может быть, часть составлявших его атомов войдет в состав ягод на растущей возле кладбища рябине, и вороны будут клевать эти ягоды. Ты умрешь — и войдешь в состав вороны, вылупившейся из яйца долго спустя после твоей смерти...

Радует ли тебя, о человек, при жизни подобная перспектива? Не мало ли тебе этого, чтобы сказать, что жизнь твоя — во всей ее перспективе на фоне вечности — осмысленна и полноценна?

Да, у муравья в муравейнике, пчелы в улье, бройлера на птицефабрике — нет страха смерти. Но нет и смысла жизни — уже по одному тому, что нет индивидуальности.

6. Не добавляет ясности в обсуждаемую тему и Игорь Губерман — поэт, мудрец, философ, политзаключенный советских времен, создатель знаменитых *гариков*, отдельного поэтического жанра.

Два смысла в жизни — внутренний и внешний,
У внешнего — дела, семья, успех;
А внутренний — неясный и нездешний —
В ответственности каждого за всех.

Цель жизни пониманью не дана
И недоступна мысли скоротечной;
Даны лишь краски, звуки, письмена
И утоление смутности сердечной.

Нам непонятность ненавистна
В рулетке радостей и бед,
Мы даже в смерти ищем смысла,
Хотя его и в жизни нет.

Из прямых, четких и ясных ответов на туманный вопрос о смысле жизни вспоминается прежде всего ответ братьев Стругацких в «Понедельнике...» — самой популярной и любимой до сих пор книге. Сотрудники НИИЧАВО, в структуре которого есть отделы Линейного Счастья и Смысла Жизни, «работали в институте, который занимался прежде всего проблемами человеческого счастья и смысла человеческой жизни, но даже среди них никто точно не знал, что такое счастье и в чем именно смысл жизни. И они приняли рабочую гипотезу, что счастье в непрерывном познании неизвестного и смысл жизни в том же».

Надо сказать, этот кондово-советский казенный оптимизм как-то странновато смотрится у Стругацких — может быть, самых глубоких писателей послесталинского СССР. (И пусть не смущает нас здесь слово «гипотеза» — оптимизм советской коммунистической пропаганды, непонятно на чем основанный при полнейшем провале экономики, чувствуется даже в самой направленности такого рода гипотез.) Странновато потому, что его нет не только в более поздних их книгах — но его совсем нет и в «Трудно быть богом», вышедшем раньше «Понедельника...». Напротив, там присутствует глубочайший пессимизм, знаменитая впоследствии формула о том, что «там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные» и глубочайшее наблюдение, написанное как будто о современной России:

«Оказывается, что колодцы гуманизма в наших душах, казавшиеся на Земле бездонными, иссякают с пугающей быстротой. Святой Мика, мы же были настоящими гуманистами там, на Земле, гуманизм был скелетом нашей натуры, в преклонении перед Человеком, в нашей любви к Человеку мы докатывались до антропоцентризма, а здесь вдруг с ужасом ловим себя на мысли, что любили не Человека, а только коммунара, землянина, равного нам... Мы все чаще ловим себя на мысли: «Да полно, люди ли это? Неужели они способны стать людьми хотя бы со временем?»».

Ответ Стругацких (о смысле жизни) замечателен своей искренностью, своей наивностью — и так же далек от реальности, как и все остальные. Это уже 1964 год, уже конец хрущевской «оттепели», правда уже известна очень во многом. Можно поставить вопрос максимально широко: какой прок в «бесконечном познании неизвестного» человеку, который обречен умереть? Он унесет это неизвестное с собой в могилу — и там оно ему уж точно не пригодится! Какое «познание неизвестного» может быть у ветхого восьмидесятилетнего деда, который и известное со школы-то уже, что узнал, перезабыл, стоит одной ногой в могиле, еле видит и еле слышит? Для кого вообще авторы сочиняли этот потрясающий своей какой-то прямо-таки мотыльковой легкостью рецепт смысла жизни?

Но — ввиду излета «оттепели» — можно поставить вопрос и более узко и конкретно. В обеих своих частях — и в части счастья, и в части смысла жизни — как применим рецепт Стругацких к тем, чьи трупы осенними ночами 1938 года НКВД СССР тайно вывозил и закапывал на Бутовском полигоне, в Коммунарке, в Курапатах, на старом кладбище в Виннице и во многих других местах?

7. Многих ли китайских крестьян XIVвека из провинции Сычуань может хотя бы по именам назвать сегодняшний средний «россиянин»?

Забавный вопрос, правда? Уже сам в себе содержащий ответ. Императоров — еще так-сяк, их имена для нас история все же сохранила. А крестьян — нет, не слышали. Что жили они на свете, что не жили — для нас нет абсолютно никакой разницы.

Вот это и называется: раствориться в вечности целиком, без следа...

«Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению, и любовь их, и ненависть их, и ревность их уже исчезли, и нет им более части во веки ни в чем, что делается под солнцем». Экклезиаст, 9:5-6.

II. КЛОК СЕНА

8. «Но, по-моему, главная причина всех наших несчастий и ошибок — душевная болезнь, именуемая религией.

— Вы говорите о какой-нибудь одной религии?

— О нет! Они отличаются одна от другой лишь внешними симптомами. А сама болезнь — это религиозная направленность ума, эта потребность человека создать себе фетиш и обоготворить его, пасть ниц перед кем-нибудь и поклоняться кому-нибудь. Кто это будет — Христос, Будда или дикарский тотем, — не имеет значения».

Говоря это, Овод, герой одноименного романа Этель Лилиан Войнич, был, конечно, прав. Однако это еще не вся правда. Веками, тысячелетиями религия выполняла в человеческих сообществах две тесно взаимосвязанные функции. Власть она сильно облегчала управление народом. А для широких масс населения (в основном, крестьянских — и, разумеется, первобытно невежественных, темных, забытых и отупевших от грубости условий их жизни) она служила единственным оправданием всех бесконечных тягот, мучений и невзгод, из которых, соответственно, состояла жизнь первобытного собирателя или средневекового крестьянина. Религия говорила ему, что все его бесконечные мучения в земной жизни — просто ерунда, мелкие временные

трудности, на которые вообще не надо обращать внимания, а главная, основная, так сказать, его жизнь — начнется лишь после физической смерти, и вот там-то будет дана ему роскошная награда за все земные страдания. Земные власти, вместе с работавшими на них жрецами всех культов и религий, уверенно держали эту приманку, как клочок сена перед мордой лошади — недоступный, но тем самым и заставляющий ее двигаться — перед умственным взором несчастного работника...

9. Бога, конечно же, нет. Просто нет — и все тут. И никогда не было. Бог не «умер», как писал когда-то Ницше, — потому что тот, кого не было, кто и не родился, не может и умереть.

Бог — это фикция, выдумка, обман, приманка перед носом лошади или осла. Религия — «опиум народа» и «вздых угнетенной твари», — тут к словам Маркса нечего добавить (в отличие от его взгляда на то, как должна расходоваться прибавочная стоимость).

Есть, впрочем, немало людей, стесняющихся называть себя атеистами и прибегающих к термину «агностицизм». Мол, мы не знаем, есть бог или нет, то и другое равно недоказуемо — поэтому агностики отказываются от определенного суждения по этому вопросу. (Как в анекдоте про блондинку: «Какова вероятность, что, выйдя се-

годня на улицу, вы встретите динозавра? — 50х50. Или встречу, или не встречу.

Но с какой, собственно, стати нам ставить наравне эти две версии? Ведь, по правилам формальной логики, доказывается наличие, а не отсутствие. Если нет (а их до сих пор нет, кроме разного рода «мироточащих» икон с подведенными сзади трубочками и т.п. «чудес») никаких доказательств того, что бог есть — значит, его по умолчанию нет. Если он есть — предъявите его! — можем сказать мы церковникам. Именно его, его самого, регистрируемого приборами, воспринимаемого и отображаемого видео- и аудиозаписью, измеряемого весами и т.д. и т.п. А покуда вы его не предъявили — бога по умолчанию нет, и допускать по принципу 50х50, что он, может быть, все-таки есть — абсолютно не с чего.

Собственно, уже само понятие «ВЕРА в бога», широко используемое всеми религиями, доказывает это. ВЕРИТЬ бывает нужно именно в то, чего нет. То, что есть, не требует ВЕРЫ — оно и так вполне объективно, проверяемо и доказуемо. Скажем, если у вас в бумажнике есть деньги — в них не надо верить, их достаточно просто достать, чтобы показать другим и убедиться самому. А вот если денег в бумажнике нет — о, тогда да, тогда остается только ВЕРИТЬ, что они там есть! :)))) Попутно объявляя любые сомнения в этом, любые попытки попросить взаймы или предъя-

вить к оплате счет — тягчайшими видами богохульства, богоборчества и т.д. :)))

О богохульстве вообще любят поговорить попы РПЦ, которые отнюдь не прочь снова открыто ввести его как полноценный состав преступления в УК — как оно, собственно, и было в России до 1917 г. Атеизм эти попы и поддерживающие их добровольные религиозные пропагандисты-миряне («дипломированные лакеи поповщины», — трудно не согласиться тут и с Лениным, давшим им это определение) обычно называют тоже «религией». Мы, мол, верим в то, что бог есть, а атеисты верят в то, что бога нет.

Но атеисты не «верят в то, что бога нет». Атеисты НЕ ВЕРЯТ в то, что бог есть. Частичка «А» в начале слова «атеизм» стоит не зря: по-гречески она обозначает именно отрицание. Попы и их лакеи, таким образом, совершают жульническую подмену понятий. Остается лишь спросить их: если атеизм — это религия, то лысый — это цвет волос, да?

Вместо бога, регистрируемого приборами, датчиками и фотокамерами, защитники религий предъявляют обычно лишь некий «мистический опыт» (или «духовный опыт») отдельных лиц, часть из которых в религиях числятся святыми. Мол, они лично общались с богом — и с несомненностью убедились, что он есть. Но — не все из церковных святых, особенно древних, вообще

были реальными лицами. А если и были — никто ведь не озаботился в момент их «общения с богом» измерить этим людям давление, снять кардио- и энцефалограмму и т.д. Мало ли, что с ними в этот момент было с сугубо медицинской точки зрения! Да ведь и широко распространенная шутка давно уже ответила этим мистикам, что если ты говоришь с богом — это молитва, а если бог говорит с тобой — это уже шизофрения... :)

На главный, козырный аргумент всех мистиков и защитников бога — мол, откуда же тогда все взялось; не мог же этот столь прекрасный и гармоничный мир появиться сам по себе; как у картины всегда есть автор, так и мир мог быть только сотворен его «Творцом», — ответил еще Бертран Рассел в своей знаменитой лекции «Почему я не христианин» (1927). Он вполне логично возражает там религиозникам: если все должно иметь причину — то и бог тоже должен иметь причину (т.е. быть сотворен кем-то). А если религиозники допускают бога, никем не сотворенного, появившегося неизвестно откуда и как — тогда и природа тоже вполне мыслима как нечто никем не сотворенное и возникшее само по себе, точнее — бывшее изначально.

И как через две точки можно провести прямую, и притом только одну, — так и из лекции Рассела о христианстве можно сделать лишь

один, причем полностью обоснованный вывод: бога нет. Достаточно привести еще один аргумент из той же лекции. Христос, разговаривая со своими слушателями, уверенно предсказывал им свое второе пришествие еще при жизни многих из этих слушателей. Он не сомневался, что «грядет со славой» очень скоро. С тех пор прошло две тысячи лет. Ждем-с!.. :)))

Можно еще вспомнить слова Христа: «кто имеет веру с горчичное зерно и скажет горе сей: «Перейди!» — и перейдет». Пусть любой из верующих, имеющих веру не с горчичное зерно, а с добрый арбуз :), прикажет любой горе — или там, где это говорил Христос, или, в нашем случае, поближе — на Кавказе, например — перейти. И посмотрим, как она послушается его. А можно попам, уверяющим, что такой идеально прекрасный и гармоничный мир, так идеально приспособленный для жизни в нем человека, просто не мог появиться сам по себе, а только быть создан «Творцом» — ответить, что он — злой, бессмысленный хаос, крошечный ужас, черная дыра, царство зла и несправедливости. А о предназначении этого мира для человека метко писал Станислав Лем: «Если мир — это кладовая, то построена она наверняка не для мышей, которые в ней жируют. А коль скоро она для них не предназначена, то нечего удивляться, что полки слишком высокие, что можно утонуть в крынке моло-

ка и что по углам попадаются несъедобные субстанции».

10. «...Джон: Хэнк — миллиардер-филантроп. Хэнк построил этот город, он его хозяин. Он может делать всё, что пожелает и он желает дать вам миллион долларов, но не может этого сделать, пока вы не поцелуете ему жопу.

Я: — Ничего не понимаю. Почему...

Мэри: — Да кто вы такой, чтобы сомневаться в подарке Хэнка? Вы что же, не хотите миллион долларов? Неужели это не стоит маленького поцелуйчика в жопу?

Я: — Ну может быть, если это законно, но...

Джон: — Тогда пойдёмте с нами! Целовать жопу Хэнка!

Я: — А часто вы ее целуете?

Мэри: — О да, все время...

Я: — И Хэнк дал вам миллион долларов?

Джон: — Ну... нет. На самом деле никто не получает денег, не покинув город.

Я: — Так уходите из города прямо сейчас.

Мэри: — Нельзя покидать город, пока Хэнк не скажет. Иначе вы не получаете деньги и Хэнк выбивает из вас всё дерьмо.

Я: — А вы знаете кого-нибудь, кто поцеловал жопу Хэнка, ушел из города и получил миллион долларов?

Джон: — Моя мать целовала жопу Хэнка годами. Она покинула город в прошлом году и я уверен, что она получила деньги.

Я: — И с тех пор вы с ней не общались?

Джон: — Конечно же нет, Хэнк не позволяет.
[...]

Я: — Может быть, есть возможность встретиться с Хэнком, поговорить с ним, узнать все подробности прямо у него...

Мэри: — Никто не видится с Хэнком; никто не разговаривает с Хэнком.

Я: — Как же вы тогда целуете ему жопу?

Джон: — Иногда мы просто посылаем ему воздушный поцелуй, думая о его жопе. Иногда мы целуем жопу Карлу, а он передает поцелуй Хэнку.

Я: — Кто такой Карл?

Мэри: — Наш друг. Это он научил нас целовать жопу Хэнку. Всё, что от нас требовалось — пригласить его на ужин пару раз.

Я: — И вы поверили ему на слово, когда он сказал, что существует Хэнк, что Хэнк очень хочет, чтобы вы целовали ему жопу, и что Хэнк награждает вас за это?

Джон: — О нет. Много лет назад Карл получил от Хэнка письмо, где все объясняется. Вот копия, сами взгляните.

Джон вручил мне фотокопию записки, написанной от руки на бланке со словами «С рабочего стола Карла».

Там было одиннадцать пунктов:

1. Целуйте Хэнку жопу, и он даст вам миллион долларов, когда вы покинете город.
2. Не злоупотребляйте алкоголем.
3. Выбивайте всё дерьмо из людей, если они не похожи на вас.
4. Правильно питайтесь.
5. Этот список продиктован Хэнком.
6. Луна сделана из зелёного сыра.
7. Всё, что говорит Хэнк, верно.
8. Помойте руки после того, как вы сходили в туалет.
9. Не пейте.
10. Ешьте копченые колбаски только с булочками. И никаких приправ!
11. Целуйте Хэнку жопу или он выбьет из вас всё дерьмо.

Я: — Так это же написано на бланке Карла.

Мэри: — У Хэнка не было бумаги.

Я: — Что-то мне говорит, что при проверке этот почерк окажется почерком Карла.

Джон: — Конечно, Хэнк всего лишь диктовал.

Я: — Вы же сказали, что никому не удастся увидеться с Хэнком.

Мэри: — Не теперь. Но много лет назад он говорил с некоторыми людьми.

Я: — Кажется вы сказали, что он филантроп. Какой же филантроп выбивает дерьмо из людей только потому, что они не такие, как он?

Мэри: — Так хочет Хэнк, а Хэнк всегда прав.

Я: — С чего вы это взяли?

Мэри: — Седьмой пункт гласит: «Всё, что говорит Хэнк, верно». Для меня этого вполне достаточно. [...]

Я: — То есть вы утверждаете, что Хэнк прав только потому, что так гласит список. Список верен потому, что его продиктовал Хэнк. И мы знаем, что его продиктовал Хэнк, потому что так гласит список. Но это же замкнутый круг. Это всё равно, что сказать: «Хэнк прав потому, что Хэнк говорит, что он прав».

Джон: — Теперь до вас доходит! Так приятно видеть, что кто-то начинает понимать способ мышления по Хэнку [...]

Джим Хьюбер «Жопа Хэнка»

11. Откуда, интересно, взялось распространённое представление, что бог (если вообще верить, что он существует) добр, всеблаг, справедлив, что он любящий и заботливый отец,

желающий нам и на том, и на этом свете одного лишь добра? Откуда?? Из Библии? Только из того, что в Библии этот бог сам говорит о себе? То бишь, «Хэнк прав потому, что Хэнк говорит, что он прав»?

«— [...]Современные теологи, насколько я знаю, выражаются более туманно, типа рай — это место, где душа воссоединяется со своим Создателем... В любом случае, я не специалист по этому вопросу. Я сам, вообще-то, агностик.

— Агностик, — покивал Джексон. — Очень правильное слово. Оно означает — тот, кто не знает. И тем, кого вы называете «специалистами», следовало бы называться точно так же. Хотя они воображают, будто что-то знают, наивные идиоты...

— А вы? — спросил я напрямую. — Вы — знаете? — Знаю. Я там был.

— В раю? Ах, ну да, клиническая смерть... Ну это, в общем-то, не вы один...

— Да, конечно. Даже книги об этом написаны. Полет по туннелю и все такое... Но я был там одиннадцать минут, не забывайте. Я прошел дальше других. Тех, которые смогли вернуться, конечно. И я видел, что — там.

— И что же? — заинтересовался я. [...]

— Там — Он, — глухо произнес Джексон.

— Кто? Бог? — не понял я. Впрочем, выражение лица моего визави скорее наводило на обратную мысль: — Дьявол?

— Называйте его, как хотите, — к Джексону вернулся его прежний брюзгливый тон. — Он внушил вам мысль, что их двое, все дуалистические религии держатся на этом, заманивая все новых и новых несчастных идиотов... но на самом деле Он один. Творец. Создатель. Он, или, скорее, оно... Душа должна вернуться к своему создателю, так? Но с чего вы все взяли, что это делается для вашего блаженства?! — теперь Джексон почти кричал. — Что Его вообще интересует чье-то блаженство, кроме Его собственного? И ведь, главное, все лежит на поверхности! Порой его служители проговариваются открытым текстом — впрочем, даже и они слепы и не понимают, ЧЕМУ служат... не понимают, что никакой награды и исключения для них не будет... Паства, да. Любимый христианский образ, куда уж яснее. И хоть бы кто задумался — а для ЧЕГО овцы пастуху, а точнее — хозяину стада? КАКУЮ роль он им готовит?

— То есть, вы хотите сказать...

— Мы — Его пища. Для этого Оно нас создало, и в этом единственный смысл нашего существования. А грешники, праведники, верующие, неверующие — это все не имеет никакого значения. Это пустые ярлыки, которыми мы тешим

себя в нашем стойле. На самом деле кого волнуют убеждения корма?

— Ну, это, конечно, любопытная гипотеза... — протянул я.

— Это не гипотеза, идиот! — рявкнул Джексон, и его цепи звякнули. — Я видел это своими глазами! Или тем, что было у меня вместо глаз... там. Туннель действительно существует, и я пролетел его почти до конца. Только знаешь, что это такое на самом деле?

— Что?

— Это... это глотка. [...]

Некоторое время он сидел молча, глядя на гладкую поверхность стола перед собой. Затем вновь заговорил:

— На самом деле наша участь еще ужаснее, чем у овец. Ибо Он пожирает заживо не наши тела, а наши души. Точнее, даже не так. Душа бессмертна, в этом нам тоже не наврали. И Он — Оно — питается не самой душой как таковой, а ее страданием. Тем ужасом и отчаянием, которые она производит в процессе переваривания... вечного переваривания, — Джексон вновь сделал паузу. — Я видел это. Там, куда ведет глотка... в утробе. Там... как бы скрученное коричневое пространство, все состоящее из какой-то рваной, грязной, лохматой паутины. И в ней висят люди... миллионы, миллиарды людей. Вы представляете себе старые, высосанные трупики мух —

жертв обычного паука? Издали похоже, а вблизи выглядит гораздо хуже. Они висят там... полупереваренные, высохшие, лохмотья плоти свисают с костей, у многих уже нет конечностей или торчат какие-то обглоданные культы и обрубки... конечно, это не настоящие, телесные кости и плоть, просто наше сознание воспринимает изувеченную душу таким образом — но, в конце концов, если мы так это ощущаем, то какая нам разница, какова истинная природа? И они кричат. Они все вечно кричат...

— Так все-таки — «полупереваренные» или «вечно»? Если «полу-», то должен наступать и момент, когда совсем...

— Вовсе не обязательно. Вы знаете, что такое асимптота?

— Кажется, что-то из математики...

— Ну да. Состояние, к которому можно бесконечно приближаться, но никогда не достигнуть. Так и тут. Некая сердцевина души все равно остается. Та сердцевина, что способна испытывать ужас и боль... [...]

— Почему тогда вернувшиеся... после клинической смерти... не рассказывают того же, что и вы?

— Я уже сказал — они возвращаются с полпути, ничего не увидев. Большинство — благодаря одним лишь усилиям врачей. [...] Я понимал, что что-то рассказывать и объяснять бесполезно, я окажусь в психушке. И заодно — какотреагируют

на мои откровения все церкви. Идиоты, считающие, что с Ним можно договориться... Не с кем там договариваться. И вовсе не потому, что Он безгранично умнее нас. Скорее, наоборот — я сомневаюсь, что Он — Оно — вообще обладает разумом. Может, владело когда-то, когда создавало мир... да и то вряд ли. А сейчас это просто ненасытная утроба... [...]».

Юрий Нестеренко «Глотка» (2010 г.)

12. Впрочем, это, конечно, фантастика; Нестеренко — известный писатель-фантаст. А вот один бывший политзаключенный еще советских времен, не очень широко, может быть, известный, но всеми глубоко уважаемый в своем кругу, между прочим, как-то в одном частном разговоре объяснял свою веру в бога так. Когда в тридцать четыре года он освободился после тринадцати лет лагерей — то очень быстро нашел себе жену, причем именно такую, какая ему и была нужна. (И, добавим от себя, живет с ней до сих пор.) Эту жену, несомненно, послал ему сам бог, в ответ на его молитву. Следовательно, бог есть. :) «Я два раза просил у Всевышнего кое-что лично для себя, и оба раза мне становилось страшно — просьбы были исполнены предельно точно, и оба раза

это было чудо...» — добавляет этот бывший политзаключенный.

Можно искренне пожелать этой семейной паре долгих лет жизни и всяческого благополучия. Но — следуя этой забавной логике — атеистов на свете всегда будет больше, чем верующих (чем действительно верующих, а не просто именующих себя таковыми, — их-то явно больше и сейчас). Ведь людей, у которых жизнь так или иначе не сложилась, не оправдала их надежд, всегда больше, чем тех, у которых все хорошо!

13. О религии написаны тысячи книг в течение тысяч лет. За и против нее сломаны миллионы копий. Тема эта абсолютно неисчерпаема. Одну из самых убедительных картин возникновения религии дает в книге «Тотем и табу» Зигмунд Фрейд. По его словам, изначально был лишь жестокий отец семейства, бесконечно издевавшийся над сыновьями. Наконец братьям это надоело, они сговорились — и убили отца. Но после этого их начала мучить совесть. И, хотя отец был убит за свои издевательства вполне заслуженно — чтобы заглушить укоры совести, братья обожествили убитого ими же отца, сделали его предметом поклонения, воздвигли его культ, передаваемый далее из поколения в поколение. Так возник бог. Изначально, по сути — это просто

отец, убитый, но обожествленный и возвеличенный затем своими убийцами, чтобы вытеснить из их сознания муки совести за убийство.

Конечно, религия (для Европы и России это было в основном христианство) на протяжении двух тысяч лет играла гигантскую роль в жизни человечества; она стала за это время — и во многом является до сих пор — фундаментом всей человеческой культуры. Достаточно указать на язык: и современные люди для обозначения чего-то (за)предельно ужасного, чудовищного, страшного — не находят других слов и сравнений кроме ада, геены огненной, пекла с чертями, жарящими грешников на сковородках и т.д. И колымские лагеря Сталина, и освенцимские газовые камеры Гитлера — много раз называли чем-то вроде ада (или филиала ада) на земле. Другого мерила ужаса, кроме как взятого из религии, наш язык просто не знает. Из этого хорошо видно, на чем построена вся человеческая культура.

Другое дело — что было для попов деятельностью сознательно и целенаправленной, а что — побочной и случайной. Полотна Рубенса и Рафаэля на библейские сюжеты или «Божественную комедию» Данте можно считать высшими пиками человеческой культуры. Но ставила ли когда-либо церковь своей сознательной целью появление этих шедевров? В самом этом вопросе уже заключен ответ на него... Основателем генетики

считается монах Мендель (проклинаемый некогда в СССР); множество других монахов — единственных грамотных и имевших достаточно свободного времени людей Средневековья — стали открывателями множества важных научных явлений, провозвестниками многих наук Нового времени. Но все это они делали по своей личной инициативе, а вовсе не по заданию своего епископа или Папы римского, и в свое личное свободное (от обязательных молитв и служб) время.

А вот что церковь делала вполне сознательно, массово, целенаправленно и организовано — так это уничтожала античные статуи и прочие произведения искусства в первые века христианства; травила и преследовала евреев; сжигала «ведьм» и еретиков, сочиняя для распознавания первых даже специальные изуверские трактаты типа знаменитого «Молота ведьм»; на самых дальних подступах отслеживала и тотально выкорчевывала все, что хотя бы в самой отдаленной, гипотетической перспективе могло поколебать в умах людей религиозные догмы, то есть — угрожать власти и доходам церкви. Книгопечатание, вращение Земли вокруг Солнца, происхождение человека от обезьяны и пр. и пр. и пр. — все это продиралось к нам из глубины веков сквозь цепкие, острые, как бритва, жгучие и ядовитые джунгли религиозного мракобесия — и, вырвавшись, долго залечивало и зализывало ра-

ны... «Обезьяньи процессы» в Америке начала XX века казались дикостью и вызывали шквал насмешек — но вот прошло сто лет, и сегодня в России теология объявлена наукой и включена в список наук, официально преподаваемых в ВУЗах, а на РЕН-ТВ печально знаменитый Игорь Прокопенко триумфально проводит передачу, уверяющую зрителей, что Земля на самом деле — плоская, а все ее фото из космоса — фальшивки...

14. О святой инквизиции в Испании, о «Молоте ведьм» и пр. — нечего и говорить. Но и в России — кого массово преследовало и карало государство, составлявшее «симфонию» с официальным православием, еще до появления каких-либо вообще революционеров, народнических или марксистских? Хлыстов, духоборов, молокан, баптистов, штундистов и других посягателей на духовную монополию официального православия. Ситуация, кстати, очень похожа на сегодняшнюю. И тогда были и среди христиан, и среди мусульман, и среди иудеев «официально зарегистрированные конфессии», а были — религиозные диссиденты.

15. Читая сегодня мировую литературу — поражаешься, до какой чудовищной степени были

(да простится нам это выражение) засраны христианством мозги человека и человечества! Ведь то, о чем так бурно и ожесточенно спорят между собой, например, русские раскольники в «Петре и Алексее» Мережковского или «На горах» Мельникова-Печерского — не имеет никакого, абсолютно никакого отношения к реальной человеческой жизни! Христы, богородицы, ангелы, архангелы, угодник, исповедники, их хождения, разговоры, пророчества, изречения... Кому все это нужно и зачем???!! А ведь спорили обо всем этом мусоре до хрипоты, в бороды друг другу вцеплялись (у того же Мережковского, например). Как и вообще — никому и ни для чего на самом деле не нужна эта нечесаная и немытая русская «духовность», являющаяся просто-напросто калькой со Spiritualität немецких мистиков XIX века, но тем не менее до сих пор имеющая в России столько миллионов приверженцев! Точнее всех, поистине исчерпывающе сказал об этом Игорь Губерман:

Должно быть, очень плохо я воспитан,
Что, грубо нарушая все приличия,
Не вижу в русском рабстве неумытом
Ни избранности признак, ни величия.

Впрочем, это было не только в России. Христианство основательно засрало людям мозги —

и сломало миллионы судеб — во всех странах и на всех континентах. О горькой судьбе женщины, например — «согрешившей» и за это выгоняемой из дому религиозным фанатиком-отцом, клеймимой и презираемой фанатиками-соседями, знакомыми, бывшими друзьями и «обществом» в целом; вынужденной — с ребенком или уже без него — голодать, ютиться по чужим углам, работать за гроши на самых грязных работах или идти в проститутки — говорится во множестве западных книг: «Джеки Герхард» Т. Драйзера, «Замок Броуди» А. Кронина, «Тэсс из рода д'Эрбервилей» Т. Гарди, «Отверженные» В. Гюго (судьба Фантины) и пр. и пр. и пр.

16. В России после краха коммунизма как идеологии в конце 80-х гг. XX века религия — в лице насквозь чекистской, созданной в 1943 г. РПЦ, фактически спецотдела КГБ по работе с верующими — стала модой. Да, просто модой — и ничем больше, хотя, разумеется, модой громкой и повальной. Ничем другим она — после семидесяти трех лет советской власти, когда атеизм преподавался во всех школах и ВУЗах — быть и не могла. Истинная религиозность — вещь очень-очень тонкая и хрупкая, как паутинка. Случайно хоть чуть-чуть порви, повреди ее — и потом уже

никак этого не поправить, сделанную прореху не залатать. Публично сказанное (и не отомщенное богом на глазах у всех) «бога нет!» — убивает веру напрочь, даже если сам субъект этого сперва и не чувствует.

Фарш невозможно повернуть назад,
И мясо из котлет не восстановишь...

И не только в России. Религиозную картину мира, еще в первобытные времена человечества необходимо возникшую для объяснения природных явлений, основательно подорвала уже первая промышленная революция начала XIX века в Англии. Еще даже не электричество, а пар и железные дороги, скажем. И наука, разумеется, как таковая. Потеряв свою органичность, изначальность, аутентичность, свою функцию объяснения мира и оправдания всего негативного в нем «божьей волей» — сегодня религия возможна лишь как МОДА, и даже те, кто на 100% убежден, что искренне во всех этих христов и богородиц верует — он на самом деле лишь принял эту МОДУ и во все эти бирюльки ИГРАЕТ сам с собой, не отдавая даже самому себе в этом отчета! Но именно ИГРАЕТ, ибо после научно-технической революции, в век интернета, когда за час долетаешь самолетом туда, куда раньше надо было тащиться два месяца в повозке, запряженной во-

лами, — верить во все это, верить так, как верили в Средние века — уже попросту невозможно, немислимо! Как в старой притче: именно потому, что Ходжа Насреддин всех предупредил не думать об обезьяне — все только о ней и думали! :) То бишь, верующие XXI века ЗНАЮТ, что никакого бога нет, но, вопреки этому знанию (двоемыслие по Оруэллу!), ХОТЯТ ДУМАТЬ, что он есть. То есть — обманывают сами себя.

Поэтому новая набожность совков с конца 80-х была лишь модой — причем, модой глупой и наивной. Старым, до 1917 года, попам и иерархам православия — ужасающим «вольтерьянством» показалось бы их массовое убеждение, что можно-де носить крестик, считать себя православным — и этого достаточно, а молитв по утрам и вечерам перед иконами не читать, постов не соблюдать, в церкви бывать один-два раза в год — на Пасху и Рождество. Таких «православных» в те кондовые времена отлучили бы, глядишь, от церкви — а то и уголовному наказанию подвергли, ибо оно было предусмотрено в царской России для непосещающих церковь.

Истинная, аутентичная религиозность, еще не слышавшая ни разу слов «бога нет!» и не смущаемая ими — это просто тупое, доскональное соблюдение внешних обрядов религии. И больше ничего. Посты, обедни, поклоны перед

образами... Воображать, что можно, так сказать, отдельно, приватно, в своей душе иметь какое-то общение, какие-то «особые отношения» с богом, поверять ему все свои тайны и сомнения, просить у него совета и наставления в случае жизненных трудностей, а в церковь при этом не ходить, поклонов не класть, обеден не стоять (каждый день!), постов не соблюдать вообще, молитв не только не читать по два раза в день, но и вообще наизусть не знать — да это же чистейшее вольтерьянство!!! Чур меня, чур!.. (скажет вам поп образца XIX века). Это явное и четкое влияние на современные умы Французской революции 1789 года, а потом и русской — 1917-го. То, что вам кажется приватным и доверительным, лично вашими отношениями с богом (без постов и обеден) — для них сатанизм, бесовщина!

Как выглядела истинная, аутентичная религиозность, не нарушаемая еще никакими сомнениями — отлично изобразил Горький в повести «Детство», вышедшей еще в 1913 году (т.е. до воцарения официального атеизма большевиков). Дед его молился усердно, несколько раз в день, по утрам, по вечерам и т.д. — но, читая молитвы по-церковнославянски, не понимал их смысла и даже не пытался понять. Бормотал много лет подряд когда-то заученную тарабарщину — и все.

Это ясно видно из того, что порой он пропускает в этой тарабарщине то или иное слово (т.е., читая, не следит за смыслом), на чем, к его великому смущению, его потом, за завтраком, и ловит внук! :)

«Я знаю на память все молитвы утренние и все на сон грядущий, — знаю и напряженно слежу: не ошибется ли дед, не пропустит ли хоть слово?»

Это случалось крайне редко и всегда возбуждало у меня злорадное чувство.

Кончив молиться, дед говорил мне и бабушке:
— Здравствуйте!

Мы кланялись и наконец садились за стол. Тут я говорил деду:

— А ты сегодня «довлеет» пропустил!

— Врешь? — беспокойно и недоверчиво спрашивает он.

— Уж пропустил! Надо: «Но та вера моя да довлеет вместо всех», а ты и не сказал «довлеет».

— На-ко вот! — восклицает он, виновато мигая глазами.

Потом он чем-нибудь горько отплатит мне за это указание, но пока, видя его смущенным, я торжествую».

Бабушка же — несмотря на умиление, вызываемое в ней христианскими сказками, а в читателе ее образом — тоже недалеко ушла от деда.

Божью мать — «Марию Якимовну» — она помещает прямо в миф о потопе, то есть путает Ветхий завет с Новым...

Деда и прадеда наизусть знали молитвы, деяния апостолов и псалтырь. У отцов от зубов отскакивали догматы Маркса о классовой борьбе и экспроприации экспроприаторов. Нынешние «россияне» не знают толком ничего. В головах у них — каша, где есть и Маркс, и Никола Угодник, — но поистине полноправно царствует там — Сталин. «Россияне» не хотят сложных и утомительных идеологий — ни левых, ни правых. Они просто хотят, чтобы хозяин не забывал наливать им пойло в корыто — и во всем, даже в мелочах, за них решал и им доходчиво объяснял, как именно им жить и что делать.

Хлев у рачительного крестьянина, не забывающего наливать своим хрюшками пойло в корыто, есть лучшая в мире модель «социального государства».

Кстати, наиболее религиозным, самым набожным и молитвенным, так сказать, персонажем всей русской литературы, ежедневно отбивающим бесконечные поклоны перед иконами — был Иудушка Головлев.

17. Так что, говоря короче и проще — всю литургику, канонику, агиографию (жития святых) и патристику (писания святых отцов), все библии, евангелия, ветхие и новые заветы, псалтыри, молитвословы, тропари, иконы, облачения, ризы, антимины, дароносицы, распятия, кадила, все прочие их «святыни», богослужебные книги, тексты, всех их идолов и пр. и пр. и пр. — можно просто выбросить на помойку. Ну, или все, что из этого набора может гореть — пустить на растопку.

Всю религиозную философию в духе Бердяева, Флоренского, Шестова и пр. — туда же, не смотря на вражду авторов с официальной церковью, царизмом или советской властью.

Все это на самом-то деле никому ни для чего не нужно. Разве что попам, которые кормятся со всего этого барахла за счет невежества и предрассудков их паствы. Но реальной, практической пользы от всего этого — никакой. Бога нет, ничего «божественного» и «духовного» — тоже нет, все это — чистая выдумка, сочиненная тысячелетия назад для управления тогдашними темными, невежественными массами.

Есть только материя — и, собственно, все, что видят наши глаза (и чего не видят, — например, воздух), и есть материя. Она уж действительно ЕСТЬ, в отличие от бога. Есть только ratio, только разум, логика и наука. И даже человеческая

мысль — это, как писал в XIX веке Бюхнер, есть всего лишь химическая реакция в мозгу...

Все это относится в той же мере и к исламу, и к иудаизму, и ко всем религиям вообще, авраамическим же — в первую очередь. Что, конечно, совсем не отменяет необходимость защищать права тех же мусульман где-нибудь в Дагестане, где «молящихся» и ходящих в мечеть записывают в списки, ставят на профучет, всячески травят и преследуют, таскают в полицию и центр «Э», а могут и вообще силой увезти всех молящихся в мечети, ворвавшись туда вооруженной толпой прямо во время намаза... И в Дагестане, и в Татарстане, и в Крыму теперь, и в Москве; в Чечне же у мусульман другая беда — больше похожая на насмешку Аллаха: главным охранителем ислама там давно уже стал путинский жополиз Кадыров, вместе с русскими оккупантами воевавший против чеченских моджахедов (воинов за веру, то бишь!), руководимых Масхадовым и Басаевым, героями чеченского народа...

Никому не мешает, если люди в частном порядке, у себя дома или в своей церкви исповедуют свою религию, молятся, крестятся, бьют поклоны, целуют всякую антисанитарию типа поповских наперсных крестов или рак с мощами святых. Это их личное дело. Не надо только навязывать свои правила остальным, не верящим в вашего бога или верящим в другого, или ни в ка-

кого вообще. Парадоксальным образом приходится поневоле защищать попираемое право любых верующих на свободу совести, зная при этом, что конечной целью, логически неизбежной, хотя вслух и не всегда произносимой, для любой религии является установление теократии. При которой, разумеется, ни о какой свободе совести речи идти уже не будет. Но — мир полон таких вот парадоксов...

А профессиональным верующим, которых все это страшно оскорбляет (после принятия по итогам процесса над «PussyRiot» закона о «защите чувств верующих» в России появилась новая профессия — оскорбленный верующий, постоянно ищущий, чем бы еще «оскорбиться» и на кого бы еще написать донос), можно лишь посоветовать не будить лихо, пока оно тихо. Ибо они даже представить себе не могут, до какой степени (некоторых) атеистов оскорбляет уже сам вид громадных, пышных, разукрашенных и позолоченных церквей, соборов и монастырей, построенных в честь какого-то мифического, несуществующего бога! Это ж страшное дело! — в какую ярость может привести человека рационального такое несоответствие цели и средств.

Одной известки, кирпича, краски, позолоты, изразцов и пр. и пр. сколько ухлопано — и ради чего (кого)??!! Это же просто безумие какое-то!!! Морок, наваждение, галлюцинации, шизофре-

ния — строить без счета громадные соборы и монастыри с толстенными стенами; пышными службами, помпезными крестными ходами, миллионами икон, свечей, риз, кадилниц, дарохранительниц, шикарно изданных библий и евангелий, бесчисленными сборами на церковные нужды и пр. и пр. и пр. Прославлять и возвеличивать того, кого нет, никогда не было и вообще быть не может — выдуманного бога-отца и его столь же мифического, собирательного отпрыска Иисуса! Чудовищность реальных расходов в течение тысячелетий на столь вздорную, нелепую и мифическую цель — это для атеистов, если на то пошло, такое чудовищное, невместимое разумом оскорбление, такое поношение и глумление над элементарным здравым смыслом — что, ей-богу, если религиозники в самой РПЦ и вокруг нее будут и дальше перегибать палку и навязывать свой бред (типа, требовать себе в собственности громадный Институт рыбного хозяйства на Красносельской в Москве только потому, что в подвале его сохранился кусок кладки бывшей прежде на этом месте церкви) — они могут пожать такую бурю, в сравнении с которой даже сталинское взрывание церквей в 30-е годы и хрущевское — в 60-е покажется им детским утренником!..

18. «Земля полна лишними, жизнь испорчена чрезмерным множеством людей. О, если бы можно было «вечной жизнью» сманить их из этой жизни!» — мечтал когда-то Ницше.

В самом деле, если после глобального упадка влияния церкви на Западе и советского атеизма в России «смыслом жизни» для большинства людей стало выращивание потомства и продолжение рода — то еще позавчера, при «старом режиме» (первый удар которому нанесла в 1789 г. Великая Французская революция), при обожаемой нашими православными святошами «симфонии церкви и государства» смыслом земного существования для абсолютного большинства людей было — после смерти успешно пройти «страшный суд» и попасть не в ад, а в рай, где и обрести «вечную жизнь» как награду за все земные страдания. Это и позволяло попам управлять паствой, клеймя как «грех» все, что было для попов и светских властей невыгодно или опасно.

Но со временем, с развитием науки и техники, с отмиранием феодализма и роли церкви — как-то постепенно большинству стало ясно, что никакого рая и никакого ада нет, что все это — сказки. И даже анекдот появился. Мужик умер, попадает в ад. Смотрит — ничего страшного, все тусуются, веселятся, пиво пьют... На заднем пла-

не видит — скала, а в ней — небольшая железная дверь. Он подходит, открывает дверь — а там настоящий ад: кипящая смола, грешники жарятся на сковородках, дым, чад, запах серы, черти с рогами... Он в ужасе захлопывает эту дверцу, отбегает подальше, кое-как отдышавшись, заходит в бар, спрашивает себе пива, и у них с барменом происходит такой примерно диалог:

— Слушай, это у вас тут ад?

— Ад.

— А вот там, я видел, дверца маленькая в скале...

— А-а, не обращай внимания! Там ад для верующих.

19. То есть — нет ничего, никакого рая или ада, никакой вечной жизни, никакого воздаяния за земные мучения. Просто умер — и закопали, «как не жил на свете». Или сожгли — и урну тоже зарыли.

И все. Дальше небытие. Пустота и крошечный мрак. Ничто.

Понятно, что человеческий разум инстинктивно восстает против такой картины мира и человеческого бытия. Что в этом «ничто» он все время пытается обнаружить «нечто».

Этими попытками церковь и держалась две тысячи лет. Для этого — в основном — она и была

нужна пасомым ею миллионам. Она давала какую-то (пусть несбыточную, но они-то верили!) надежду. Надежду, что не все зря, что в этой жизни есть какой-то смысл. Что она — не только бесконечная цепь мучений и страданий, после которых ты тупо сдохнешь — и это все! И так же, без тебя уже, до самой смерти будут маяться и страдать твои дети и внуки.

«Мы отдохнем!» — восклицает одна из героинь Чехова в «Дяде Ване».

Ведь так хочется, так безумно хочется надеяться хоть на что-нибудь хорошее!..

«Мы отдохнем!» На том свете.

20. Было время в самом начале XXI века, когда лимоновская НБП еще жила под собственным, исконным именем — и даже бросала порой публично в министров майонезом, портя им костюмы. В Касьянова, например — нынешнего видного «оппозиционера», а тогда премьер-министра, второго человека всего путинского режима.

Собственно, даже эти омерзительные, отпетые, отмороженные коммуняки вызывали бы гораздо большее уважение, если бы вместо майонеза посмели бы кидать что-нибудь посущественнее. Гранату, например. Ту самую

«лимонку», что была и есть у них на флаге. Символ получил бы, так сказать, новое наполнение.

Однако и сейчас среди робких пингвинов «оппозиционеров» многие цепенеют в ужасе от самой этой мысли: ведь это дало бы властям повод для страшного, ужасного, чудовищного массового(!) террора!..

И таких случаев миллион. Страх заставляет сдерживать себя, упускать возможность... Новодворская рассказывала, например, как Горбаневская, с которой они в 1970 г. недолгое время вместе содержались в Казанской СПб, увещевала ее там: мол, нельзя распространять такие радикальные листовки (за которые сидела Новодворская) — власти обозлятся и развяжут террор!..

Однако — ведь уже самый факт рождения делает абсолютно неизбежной перспективу смерти: «Двум смертям не бывать, одной не миновать», — говорит об этом пословица.

Так кого же и чего нам бояться?..

21. Отобратить у человека глупые сказки о спасении его души, о рае и райском блаженстве, о вечной жизни после физической смерти — и что же дать ему взамен? — Да ничего. Правду! Горькую правду — ибо пустота, тлен, небытие, ждущие человека за гробом — это и есть единствен-

ная возможная правда. А бог, божье милосердие, рай, воскресение и вечная жизнь — все это ложь, сказки для дураков! Поневоле вспоминается опять Новодворская, писавшая про ДС перестроечных времен (и при этом верившая во все эти христианские сказки): «Мы рубили своим топором прошедшее и настоящее, ветераны войны и труда летели как щепки, но в нас не было жалости, ибо право отнять ложь и дать жестокую правду абсолютно».

22. Нет ни бога, ни черта, ни рая, ни ада, ни спасения души, ни воскресения из мертвых...

Есть только материя. Только это вечное небо над головой. Только земля, в которую заруют, когда помрешь...

Как же быть?? Во что же верить??? Куда ж нам плыть?!?!?!

Грустно. (А многим — и попросту страшно).

Освобожденные от химеры спасения души, люди поневоле находят решение этой жгучей проблемы в самом близком и утилитарном. Дом, семья, дети. Работа — чтобы прокормить тех же детей, вырастить, выучить...

Это и есть их смысл жизни. Маленький, куцый, сугубо утилитарный. Но — уж какой есть. Большого им и не надо.

От большинства этих людей, от их детей и внуков — не останется ничего. Они пройдут по

земле — и сгинут, не оставив следа, как прошли и сгнули до них неисчислимые мириады людей на всех континентах за всю эпоху существования человечества.

Их смысл жизни — маленький, куцый, утилитарный, бытовой. Дом, семья, работа... Есть пошлая попсовая песня Ваенги про три заветных желанья: быть любимой, здоровой, счастливой, «ну а третье — совсем простое: мира всем нам и покоя».

Дальше этого их мечты не идут.

23. То бишь, можно смело сказать, что для обывателя смысл жизни отсутствует. Просто отсутствует — и все тут. Его (смысла) просто нет. Жизнь обывателя абсолютно бессмысленна. Она низачем, ни о чем и никуда. Она вся сводится к чистой биологии. Еда, сон, здоровье, заведение и выращивание потомства...

В памяти поколений обыватель этот не останется. В сокровищницу человечества он не внес ничего. Но ему от этого горя мало — и он пошлет подальше любого, кто вздумает упрекать его в этом.

И, в общем-то, правильно поймет.

Никто никому ничего не должен. В том числе и думать о внесении какого-то вклада в сокровищницу человечества. Каждый волен жить так, как ему хочется, и строить свою жизнь по собст-

венным сценариям. Декларация независимости США очень удачно формулирует это как «право на поиски счастья».

24. А смысла жизни — нет. Его просто нет, и все тут. Жизнь — бессмысленна. Если, конечно, под смыслом понимать не то — узкое, бытовое, утилитарное — чем мы живем в настоящую минуту, не наши планы на сегодня, на завтра, на ближайшую неделю, а что-то большее и высшее.

Вот сапожник сидит в своей будке и чинит обувь. Можно ли сказать, что смысл его жизни — в том, чтобы чинить людям обувь, помогать им решать их маленькие бытовые проблемы (с обувью), делать им добро?

Можно, наверное. Сам-то он, скорее всего, так и думает. Ну, если его вообще волнует тема смысла жизни (жизни вообще — и лично его жизни в частности). Больше-то ему ничего не остается. Но скорее — ему на это просто плевать.

А то, что он делает, исчезнет вместе с ним. Умри он завтра, заболеет, попади под машину — через день-два на его месте будет сидеть другой сапожник. И едва ли многие клиенты заметят разницу и будут с ностальгией вспоминать прежнего.

И поэтому та работа, которую делает человек на своем месте и которая исчезнет вместе с ним,

его утилитарная профессиональная функция — это не смысл жизни, а то, что Экклезиаст называет «суета сует». Этот «смысл жизни» полностью укладывается в формулу того же Экклезиаста: «Что пользы работающему от того, над чем он трудится?» (Экк. 3:9).

Знаменитая «теория малых дел», которой придерживались и русские народники, и советские диссиденты (к счастью, не все), именно так и проповедует: мол, каждый на своем месте должен просто делать хорошо и добросовестно свое маленькое дело. И от этого, мол, постепенно, незаметно жизнь наладится и наступит всеобщее счастье.

Более глупой и тоскливой теории, наверное, не выдумало еще человечество. Следование ей приведет лишь к тому, что когда ты уже как следует вращаешься в свое «маленькое» дело на своем месте, не сможешь и не захочешь его бросить, да и другие, скорее всего, уже будут зависеть от тебя, — тут-то начальство возьмет тебя за жабры и поставит альтернативу: или ты поддерживаешь (желательно публично) начальство и власть вообще в их подлостях и преступлениях — и тогда они тоже помогают тебе в твоём маленьком, неважном (для тебя) деле; либо ты отказываешься — и все у тебя накрывается медным тазом...

25. Разумеется, вопрос о смысле жизни сильно зависит от определения того, что это, собственно, такое. И тех (их миллионы), кто вполне доволен тем мизерным, что у него есть, кто смыслом своей жизни считает именно то, что он делает сегодня, сейчас, сию минуту, а что останется после его смерти и вспомнит ли его хоть кто-то через сто лет, просто не задумывается, — их не переубедить.

Да и зачем, собственно?

Это их право — так думать. И никто им в этом праве не может отказать. Хотя это тот же «смысл жизни», что и у мотылька-однодневки летом на лугу. Его смысл жизни — порхать и кружиться среди цветов, а назавтра — исчезнуть, сгинуть, умереть. И нет у него ни имени, ни личности, ни заслуг; и никто не будет оплакивать его смерть. Сколько их, таких!.. Несть им числа. Есть жизнь — есть и смысл, а кончилась жизнь — и смысл ее исчез...

По такой формуле живут мириады мотыльков и миллиарды людей. Тошно лишь тому, у кого есть досуг и нет детей, заботы о которых убивают досуг других; кто задумывается обо всем этом и хочет чего-то большего...

26. Помрешь — закопают, как не жил на свете. Никто о тебе не вспомнит через двадцать лет после смерти, не говоря уж — через пятьдесят. Разве только родственники, потомки, если они есть. Но и многие семьи, когда-то большие, с течением времени чахнут и угасают.

В самом первом и грубом приближении память о человеке, память не его семьи и детей, живущая, пока живы они, а память широких масс, слоев, человечества в целом — и есть критерий смысла жизни. Грубо говоря, что от тебя останется — и отнюдь не в виде материального наследства, за которое будут грызться родственники...

Нет — значит, и не было! Нет свидетельств, что жил именно вот этот самый человек, этот именно Вася Пупкин, вот этот вот персонально Иван Иванович Иванов на Земле — ну и на кой, спрашивается тогда, он вообще жил??! Ради чего? За каким, извините хреном??!

А свидетельств, увы, может и не быть. И кладбища целые, бывает, сносят и застраивают, могилки даже не найдешь потом. Иные — сейчас, когда есть интернет — много пишут в интернете, в соцсетях. Но, как показывает уже накопившийся опыт, средний срок жизни компьютерного сервера, даже большого, популярного — явно меньше, чем средний срок человеческой жизни. Судьба знаменитого narod.ru тому доказательство.

Можно, в принципе, о любом человеке получить некоторые сведения в архивах, в ЗАГСах. Развернутое свидетельство о смерти, например. Вот только найдется ли тот, кому понадобится о вас зачем-нибудь такая информация спустя пятьдесят лет после вашей смерти? (кроме государственных органов, конечно).

А ведь не только для Вечности и Космоса, но и для человеческой истории пятьдесят лет — это совсем не так много...

27. И добро бы еще человеческая жизнь состояла из одних лишь развлечений, наслаждений и удовольствий! Человек мог бы, не заморачиваясь сложными философскими проблемами и вопросом о смысле жизни, сказать себе: сегодня мне хорошо, я кайфую, наслаждаюсь, и это — главное! А что там будет завтра — наплевать!

Но ведь жизнь абсолютного большинства людей состоит вовсе не из удовольствий, а из неприятностей, невзгод, страданий и мучений разной тяжести и частоты. Может быть, древние индийские раджи еще могли жить одним днем, переходя от одного развлечения к другому. Но, скорее всего, даже сегодняшние арабские шейхи, короли богатейших стран типа Саудовской Аравии или Катара, этого не могут. «Богатые тоже

плачут», как известно. Что уж говорить о простых смертных!..

Получается, родился — помучился лет семьдесят-восемьдесят — умер. И это все?!

Таков, собственно, сухой остаток, если убрать из жизни человека идеи о спасении души, воскресении из мертвых и вечной жизни. Именно потому-то церковь так за них и держалась: они составляли самую основу, квинтэссенцию ее власти над умами и душами! Сегодня, разумеется, для большинства отдушина среди жизненных невзгод, способ забыться или даже восстановить хоть частично разбиваемый ежедневно жизнью вдребезги оптимизм — это не церковь, а телевизор. Сериалы, футбол etc. Для кого-то забвение, отдых и кайф — это пиво, водка, наркотики (и на здоровье! :) Чем быстрее такие освободят нас от своего присутствия естественным, так сказать, путем — тем лучше!). Но никаких телесериалов и никакого пива (разве что по праздникам) не имел нищий, изнуренный вечной непосильной работой и большой семьей средневековый крестьянин. В случае если бы он понял, что эта земная жизнь — все, и никакой лучшей, загробной, обещанной попами, не предвидится, — легко мог бы и руки на себя наложить от отчаяния и безнадёги!

Ибо, действительно, нафига же она, такая жизнь, нужна?! Мучиться, страдать всю жизнь — чтобы в конце просто тупо сдохнуть! И это —

все??! На кой было и рождаться — чтобы влачить такую вот жизнь, как ярмо, без просвета и без надежды?!

«Мама, роди меня обратно!»

На самом деле, это один из важных аргументов против «пролайферов» с их «правом на жизнь» в виде запрета на аборт (а дальше — видимо, и традиционными тремя «К» для женщин). Та простая мысль, что незачем плодить нищету, рожать детей, если нечем их кормить, — только одна из граней этой более глубокой идеи. И отсутствие нищеты еще не гарантирует счастья. Богатые ведь тоже плачут. Если, ожидая ребенка, постоянно помнить, что ему — когда-нибудь — предстоит умереть, — да, меньше праздника станет в акте деторождения. Но правда вообще, по природе своей, горька. И лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

28. «Без веры жизнь, в конце которой каждого поджидает западня смерти, лишена всякого смысла. Получается, что все, над чем человек трудится и к чему стремится, напрасно», — пишет израильский раввин Шалом Аруш в своей религиозно-пропагандистской книге «Сад веры» (Иерусалим, 2007 г.)

Это называется: ну наконец-то, догадался! Да, если не верить в сказки о какой-то другой

лучшей жизни после земной смерти — то эта земная жизнь, полная невзгод, мучений, разочарований, оказывается абсолютно бессмысленной.

Это очень грустно, с этим трудно смириться, и разум, и душа — все в человеке восстает против этой мысли, против этого печального открытия. Но однако же, это именно так. Жил-жил, мучился-мучился — и сдох! Вот и все. И зачем что было — непонятно, и вся эта прожитая жизнь на смертном одре (если ты в сознании и есть силы вообще думать о чем-то) кажется такой абсолютно нелепой, бездарной и никчемной... Стараешься всю жизнь ради детей — но и дети в итоге далеки от счастливой жизни, да и век их земной тоже не так уж долгод...

Шалом Аруш писал свою книгу для евреев, второго пришествия Христа — «со славой судить живых и мертвых» — он уж точно не ждет. Но на его сомнения о напрасных трудах человека, не верящего в бога, еще тысячелетия назад — и тоже евреям, о других тогда речь не шла — ответил Екклесиаст. Ответил вопросом, в котором, собственно, заключен уже и ответ: «Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?»...

Религия, вера в бога, в бессмертие души, в рай и воскресение из мертвых — лишь жалкие, наивные фиговые листики, призванные скрыть тотальную бессмысленность этой нелепой жизни,

сложившейся всегда не так, как хотелось в юности, кончающейся хорошо если еще инфарктом в семьдесят, а не передозом в двадцать или автомобильной аварией в сорок... Человек ведь не просто смертен — он иногда еще, как говорил Воланд, «внезапно смертен».

Морочить ли себе голову этой туфтой, верить ли в лукавые приманки попов и обслуживаемых ими земных властей, в этот повешенный перед мордой клочок сена — каждый решает для себя сам...

29. Даже самые — скажем так — «лучшие» из религий, наиболее мирные и безобидные, страшно далекие от крови, костров и пыток во имя «бога» — и те не свободны от утешительной лжи. Вот, например, даосизм — восточная религия, открыто определяющая себя как «женственную» (инь) в противовес агрессивным, «мужским» (янь) христианству и исламу. Известный в XX веке даосский Учитель, индус Ошо (Бхагван Шри Раджниш) говорит в книге «Дао» (которая, собственно, есть не книга в прямом смысле, а расшифровка записей бесед Ошо с учениками в Индии в 1977 г.):

«У прошедшего нет начала, не может быть никакого начала, сама идея начала абсурдна. Как это все могло вдруг начаться? Процесс происхо-

дящего безначален. Вы связаны со всем прошедшим и вы связаны со всем будущим, без вас будущее было бы другим. Пусть вы никто и ничто, но вы оставите свой след. Все будущее, все вечное будущее приобретает особое качество оттого, что были вы.

Может быть, вы жили только семьдесят лет и в эти семьдесят лет сознательно существовали только семь секунд, но все равно вы оставили след; целое уже не может оставаться прежним. Если бы вас не было, все было бы по-другому; все будет по-другому уже оттого, что вы были. Вы останетесь. Может быть, вы не сделали ничего особенного, ничего большого и великого; обычная жизнь, но все же вы повлияли на судьбу всего существующего».

Если бы, если бы... Очень хочется поверить, что без каждого самого ничтожного и незаметного человечка будущее было бы не таким, как оно есть в настоящем, но... Ошо ведь не приводит этому ровно никаких доказательств; это чисто голословные утверждения. Та же самая христианская «ложь во спасение», в которую он верит и сам — и которая от этого быть ложью не перестает. «Поздравляю вас, гражданин, соврамши».

«Вы продолжитесь»? С этого места поподробнее, пожалуйста: где, когда, как и чем? Увы, никаких следов обнаружить невозможно, даже с

микроскопом, — порой уже через двадцать лет, — через пятьдесят-то уж точно, а про сто, про две-сти, про триста — и говорить нечего.

«Ваше тело умрет: это нечто созданное, со-единение ваших отца и матери, оно случайно. Но вы существовали прежде, чем встретились ваши отец и мать, и будете существовать, когда ваше тело станет землей, исчезнет, «прах станет пра-хом». Вы будете существовать, но этого вы еще не узнали», — продолжает далее Ошо.

То бишь, религия — любая, будь то христиан-ство или даже даосизм — врет, сочиняет эти уте-шительные сказки, по ходу «опровергает» биоло-гию и медицину, оправдывая свою ложь добротой своих намерений, и беззастенчиво вы-дает желаемое за действительное. «Хорошую ре-лигию придумали индусы — что мы, отдав кон-цы, не умираем насовсем» (В. Высоцкий). Действительно, только с наркотиком («опиум народа») можно сравнить...

Смысл жизни существовал бы — и смыслом была бы сама жизнь (как тому учит и даосизм): «просто жить!». И ничего больше — если бы жизнь была бесконечна. Но так как она конечна, то никакого смысла в ней нет. Все равно что слу-чайно посмотреть одну серию из середины длин-ной «мыльной оперы»... Сама неизбежность смерти уничтожает смысл, делает жизнь совер-шенно бессмысленной.

— Что вы думаете о жизни? — спрашивает Ошо один из его учеников.

— Жизнь замечательна. Без нее вы мертвы, — отвечает он.

Да, жизнь замечательна, когда воспринимаешь ее ЧУВСТВАМИ. Любоваться закатом или восходом, слушать музыку или шум дождя в листве, вдыхать аромат цветущего сада, наслаждаться вкусом изысканных лакомств, даже просто ощущать самого себя, свое молодое, упругое, спортивное тело... — все это прекрасно, спору нет.

Но жизнь совершенно нелепа и бессмысленна, как только взглянешь на нее с точки зрения РАЗУМА (невольно столь отрицаемого всеми религиями, от христианства до даосизма). Бессмысленна просто потому, что конечно, ВСЕ пути в конце концов ведут лишь в крематорий...

30. «Смерти нет»! Как хочется поверить в этот старый христианский лозунг! Как он утешителен и духоподъемен, в самом деле! Достаточно лишь поверить, что смерти нет, — и ничто не страшно человеку в этом брэнном мире. Эти слова, бывало, верующие в России бросали в лицо расстреливавшим их большевистским палачам...

Но... увы, это всего лишь иллюзия, всего лишь самовнушение и самообман. Как допинг в спорте, — чтобы было больше сил, чем их отпущено природой, только не физических, как в спорте, а моральных. Сил переносить неперено-

симое: эту нашу земную жизнь. Если вдуматься и трезво проанализировать, не затуманивая сознание верой в несуществующих богов и пр. — то на самом-то деле нет, пожалуй, ничего, КРОМЕ смерти...

И — кто знает, может быть, даже и самое ПРАВО НА ЖИЗНЬ — важнейшее из всех прав человека, идущее первым пунктом во всех главных правозащитных декларациях и пактах XX века — теряет свой смысл и перед лицом неизбежной смерти. Ввиду неизбежности, так сказать. Ведь право на жизнь — это, по сути, запрет на убийство, и больше ничего, и действует этот запрет только в человеческом обществе, в отношениях как людей между собой, так и — главным образом — человека с государством. Да, теоретически — убийства недопустимы и запрещены. Но на необитаемом острове право на жизнь бессмысленно (как и все остальные права). А среди людей даже неукоснительное соблюдение государством всех законов, даже своевременный розыск и наказание убийцы — хотя бы любого из широко прогремевших «одиноких волков» в США — не вернет уже к жизни никого из им убитых... (Оружие, разумеется, запрещать нельзя).

Ей все равно, курносой. Ей плевать на наши права, декларации, пакты, законы, суды, на наши дискуссии, надо ли убийц казнить или же сажать пожизненно, на все наши успехи в медицине, на

новые лекарства от запущенного рака, на нашу науку, право, политику и на всех нас. Она приходит со своей косою — и забирает человека, как бы он ни жил, что бы ни делал, чего бы ни достиг в жизни, будь ему восемьдесят лет или всего восемь месяцев отроду, и нашим любимым фетишем под названием «право на жизнь» мы можем в этом случае разве что подтереться...

«Человеческая жизнь коротка. Пропускная способность мира ограничена» (Станислав Ежи Лец).

31. Между прочим, так называемая «борьба с терроризмом» (с так называемым «терроризмом» — ведь на самом-то деле никакого «терроризма» не существует, это просто жупел, страшилка для дураков) имела бы хоть какое-то подобие смысла только в том случае, если бы человек по самой природе своей не был бы смертен, а тем паче внезапно смертен, иначе как от сознательного, спланированного убийства. Если бы, скажем, его мог убить или взорвать «террорист», но не мог бы случайно сбить насмерть пьяный лихач на улице; а уж тем более — если бы не была неизбежной смерть от общей изношенности организма и кучи хронических болезней лет в семьдесят пять–восемьдесят.

Если бы без «террористов» человек не умирал бы, имел бы гарантию вечной жизни — тогда

да, от их насилия он терял бы слишком много, ставки были бы слишком высоки. Хотя и тогда не стоило бы во имя борьбы с терроризмом отказываться от всех своих прав, как политических, так и гражданских, а проще говоря — позволять властям отобрать их ради обеспечения пресловутой «безопасности». В итоге — за всеми тотальная слежка, везде торчат видеокамеры, телефоны прослушиваются, весь интернет-трафик по «закону Яровой» провайдерам предписано хранить годами... а «безопасности» пресловутой как не было, так и нет! Есть только лживые рапорты ФСБ и дело о якобы предотвращенных «терактах» и пойманных при этом «террористах», почему-то ничего не взорвавших (хотели бы — так взорвали бы, поверьте; достаточно в Москве было реальных взрывов, чтобы в этом убедиться!), но при этом почему-то хранивших непременно «экстремистскую литературу»! Эта вот «экстремистская литература» выдает ФСБ больше всего, прямо с головой: используют для своих лживых сообщений один и тот же штамп — и даже в голову не приходит хоть чем-то из этого штампа пожертвовать, хоть как-то соотнести его с реальностью. Подрывники, готовящие взрыв в людном месте, еще так нетверды в своих идеях, что доучивают их в процессе подготовки по пресловутой «экстремистской литературе»? А кто же тогда их отправил готовить взрыв? Он не видел, ко-

го отправлял, что ли? Или они в процессе еще и неофитов вербуют и эту самую «экстремистскую литературу» им дают? А не будет ли это способствовать провалу их основной миссии? В общем, бред вроде того, как если бы Савинков или Каляев, живя по чужому паспорту и тайно готовя покушение на министра или великого князя, держали бы у себя в гостиничном номере (или таскали в карманах, допустим) пачки революционных прокламаций...

Если даже ради вечной жизни отдать чекистам все свои права — что же это будет за жизнь?! Вечное бесправие, только и всего! А уж если она еще и не вечная вдобавок... Но нет — населяющим Россию потомственным, генетическим рабам права не нужны; они их радостно сдали гэбухе, с восторгом выбрали себе в цари подполковника КГБ — и тупо счастливы в своем хлеву, на положении скотины, у которой нет прав и которую хозяин заставляет пахать, доит, режет — но зато кормит! Те единицы, которым права все-таки нужны, — или сидят в России по тюрьмам, или уже отсидели и уехали. А от ДТП, от инфаркта, инсульта и пр. — все равно гибнет людей несравненно больше, чем от так называемого «терроризма».

32. Волкодавы вполне способны сами жрать овец, которых им поручено охранять от волков. Основополагающее, имманентное свойство государства — стремление к отчуждению от народа, к превращению в замкнутую, закрытую касту, к несменяемости, к тому, чтобы служить не народу, а себе, своим кастовым интересам за счет народа...

Это относится даже к самым лучшим и эффективным государствам, типа американского. Но там демократические институты, реальная гражданская активность — да, в конце концов, и свободное ношение оружия! — не позволяют ситуации выйти из-под контроля, а государству — окончательно обнаглеть и объявить себя сакральной сущностью и высшей ценностью, как в России...

Что же тогда говорить о вековой деспотии, которая никогда не знала демократии, а сейчас вообще досталась во владение спецслужбам? Даже Иван Грозный был учредителем опричнины, автором идеи, так сказать — но сам он в молодости ни у кого опричником не был! А тут...

И если мыслим, например, стекольщик, нанимающий мальчишку пробежать по улице, швыряя камнями во все стекла подряд, а стекольщик идет за ним и зарабатывает за день, как раньше за месяц, вставляя новые — то почему немислима спецслужба у кормила высшей власти, сама придумывающая «подготовку терак-

тов» в разных местах, снимающая на видео все эти постановочные аресты для интернета и телевидения — дабы и свой аппарат делом занять, без зарплат и новых званий не оставить, и население еще больше сплотить вокруг фюрера, денно и ночью пекущегося о безопасности своих рабов, то и дело «спасающего» их от бесчисленных злобных «террористов» с «экстремистской литературой» в карманах...

Я государство вижу статуей:
Мужчина в бронзе, полный властности,
Под фиговым листочком спрятан
Огромный орган безопасности.

Игорь Губерман

Так или иначе, понятно, что рабы и лохи, добровольно предпочитающие отказаться от прав человека ради «безопасности» (Вспомните! Вспомните эти соцопросы осени 2004 г., сразу после Беслана: «Что вам важнее — ваши права или безопасность?..») не получают ни того, ни другого. И ради чего, собственно, жертвовать своими правами? Ради какой такой «безопасности»? Ради того, чтобы, прослушивая твой телефон и читая твою почту, тебя якобы «спасли» от страшных «террористов» — и потом, лет через двадцать, все равно умереть, если не от инфаркта, так от рака, допустим, или от аппендицита?

«Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» — вспоминается (единственный, наверное, правильный и до сих пор годный) советский лозунг. Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас...

И ладно бы еще «Большой Брат смотрит на тебя!» Хоть не так обидно. Их-то плешивого КГБшного недофюрера иначе, чем Большое Чмо, не назовешь.

«Безопасна только смерть, жизнь не бывает безопасна. [...] Родившись, вы пошли на величайший риск, на который только можно пойти. Теперь смерть неизбежна: сделав это, вы обречены умереть. В первый день своей жизни вы сделали первый шаг к могиле, на какой же больший риск вы можете пойти? Даже полностью исключив опасности, вы все равно умрете, так почему же не рискнуть и не жить на самом деле? [...] Смерть все возьмет, о чем же тогда печалиться? Лучше рисковать, чем беречь себя для смерти. Несчастный человек — глупый человек: все будет взято. Не будьте столь осторожны», — говорит тот же Ошо в той же книге «Дао».

Лекарство, оказывающееся хуже болезней — вот что такое эта их «борьба с терроризмом». Взрыв в метро в любом случае накрывает лишь тех, кто едет в этом вагоне и в соседнем. «Анти-террористическая» слежка и прослушка накрывают всю страну без исключения. И данные их очень удобно использовать, например, для поли-

цейско-«служебной» расправы над человеком, если у него, скажем, «неправильные» взгляды. А «режим контртеррористической операции», официально отменяющий все конституционные гарантии прав и свобод личности, позволяет вообще схватить на улице любого прохожего — и сделать с ним все, что угодно! После чего, разумеется, объявить его «террористом» — и на этом основании даже не выдать его изуродованный труп родственникам...

А при традиционном русском «правосознании», со времен Ивана III уверенном, что слово — это дело, преступление и страшная опасность государству, ничего удивительного, что «режим контртеррористической операции» будет официально объявляться для ареста (за слова!!!) блогеров, пишущих в интернете что-то «неправильное», критическое по отношению к власти. Примеры уже есть: диссидента-журналиста и блогера Сергея Крюкова в Ульяновске летом 2014 года брали по статьям 280 и 205.2 («призывы» и «оправдание», т.е. чисто словесный «терроризм» и «экстремизм» в интернете), десантируясь с крыши к нему на балкон, разбивая стекло и с налету кладя его лицом в пол...

Когда двадцать лет назад они бомбили и обстреливали из «Градов» Чечню, когда там тысячами гибли от этих бомбежек и обстрелов гражданские лица (женщины, дети и старики) — это

все почему-то «терроризмом» отнюдь не считалось. Население России аплодировало этим бомбежкам, а их инициатора, вдохновителя и организатора Путина четырежды (!!) с тех пор избирало президентом! Но если в ответ кто-нибудь взорвет в самой России маленькое самодельное взрывное устройство, или гранату, или еще что-нибудь, и от этого из аплодировавших государственном терроризму на Кавказе путинских фанатов погибнет человек пять-десять, — о, какой страшный, какой безумных истерический вой поднимется не только в этой стране-убийце, но и в связавшем (увы!) сейчас с ней тысячами уз цивилизованном мире, о «терроризме»!..

III. СВЕТ ПОГАСШИХ ЗВЕЗД

33. Но ведь есть же, черт побери, люди, смысл жизни которых очевиден и несомненен? Такие, которых помнит не горсточка родственников и друзей, а все — вся их нация или даже все человечество — и не только через пятьдесят лет после смерти, но и через пятьсот?..

Да, конечно, такие люди есть. И их даже достаточно много. Но много их в совокупности, за всю историю человечества и человеческой куль-

туры, так сказать. И — никогда не бывает много таких людей в какой-либо стране, в какой-либо момент или исторический период, у какой-либо конкретной нации. Это — редкий, штучный товар.

34. «...различие между человеком элиты и человеком массы: первый предъявляет к себе строгие требования; второй — всегда доволен собой, более того, восхищен.

Вопреки обычному мнению, именно человек элиты, а вовсе не человек массы, проводит жизнь в служении. Жизнь не имеет для него интереса, если он не может посвятить ее чему-то высшему. Его служение — не внешнее принуждение, не гнет, а внутренняя потребность. Когда возможность служения исчезает, он ощущает беспокойство, ищет нового задания, более трудного, более сурового и ответственного. Это жизнь, подчиненная самодисциплине — достойная, благородная жизнь. Отличительная черта благородства — не права, не привилегии, а обязанности, требования к самому себе», — писал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в своей знаменитой книге «Восстание масс» (1929).

Если так подойти к вопросу, то именно вот эти люди, чья жизнь — служение чему-то выс-

шему, какой-то цели, лежащей вне их личного быта, пропитания, заработка, пестования потомства, чему-то внешнему по отношению к ним самим — и обретут в своей жизни этот самый смысл, о котором мы тут говорим, который ищем — и никак не можем найти. А вот они, как правило, находят его — или, может быть, он находит их — еще при жизни, но чаще, конечно — после смерти.

Это великие писатели, которых изучают в школе, в институтах — да и вообще авторы, вошедшие в золотой фонд национальных и мировой литературы. Начиная, конечно, еще с древних греков и римлян.

Это ученые, открывшие законы, по которым живет сегодня человечество — законы физики, химии, механики, электроники и пр. Благодаря открытиям которых стали возможны все последующие технические изобретения, от паровоза, заменившего лошадей и кареты, до авиации, сделавшей не особо нужными уже и поезда. От телефона до компьютера. От бездымного пороха до атомных бомб и электростанций. Все те люди, чьими именами названы, например, законы физики и химии, или единицы измерения в них, или элементы в таблице Менделеева (да и сама таблица, конечно же)...

Это великие музыканты, композиторы, артисты, деятели театра, кино, телевидения... — несть им числа.

Это генералы, адмиралы, маршалы, фельдмаршалы, генералиссимусы, полководцы — победители и побежденные — во всех прошлых войнах человечества, также начиная еще с Древней Греции.

Это короли, императоры, цари, президенты, премьеры, министры, государственные деятели, диктаторы, тираны, реформаторы, освободители etc.

А также и многие борцы против их тирании, революционеры, вожди восстаний и основатели подпольных партий. Тоже в свою очередь — если повезет — становились потом у власти, диктаторами и тиранами.

35. Очень, очень трудно оценить масштаб. Невероятно трудно; о точных оценках не может быть и речи! Масштаб известности любого из этих людей, памяти о нем в новых поколениях и чужих странах.

Например, нынешняя российская школота — средних классов и средних способностей, предпочитающая книгам компьютерные игры, футбол или первые радости секса — вполне уже может не знать, кто такой Мао Цзэ-дун. Ну не слышали, не попадалось им нигде это имя.

Но китайская школото, несомненно, знает. Хотя уже больше сорока лет прошло со дня смерти великого кормчего...

Или, допустим, насквозь пропитое быдло с бессмысленным взглядом, употребляющее настойку боярышника из аптек и т.п. — в любом возрасте едва ли знает, кто такая была Вера Холодная. Книжек быдло не читает, по ТВ смотрит только сериалы про ментов да тот же футбол.

Но люди культурные, образованные, интеллигентные, начитанные — те, конечно, знают.

Разумеется, тупых алкашей в России несравнимо больше, чем интеллигентов. И все же... Помогает, наверное, то, что Вера Холодная есть во всех энциклопедиях — и случайно может попасться на глаза даже и вовсе не интеллигенту.

Вспоминается анекдот: на вопрос: «Вам нравится Бабель?» (написавший повесть о красной кавалерии времен 1-й Гражданской войны) — Буденный, подкручивая усы, отвечал: «Смотря какая бабель». Пиши про них после этого...

36. Одних сжигали на кострах, как Жанну д'Арк или Джордано Бруно. Других расстреливали, как Николая Гумилева или Переца Маркиша. Третью морили по лагерям, как Мандельштама или Василя Стуса. Кое-кого потом реабилитировали.

Но все равно все они с нами — эти люди. Эти имена. «Наши» и «не наши», русские и не рус-

ские, древние и современные, знакомые каждому, как Сталин, или же мало кому, как Сулейман Стальский.

37. В конце всех концов от человека остается только его имя. Только имя, которое смутно «слышали» миллионы людей; припоминают, когда их спрашивают — и не могут припомнить, путаются... Смешно путаются обычно.

Но и это — огромная привилегия.

В СМИ мелькают порой видеозаписи опросов на улице или в школах, опросов серьезных или шуточных. Особенно забавно, когда нынешняя молодежь начинает излагать, кто такие были Ленин, Сталин и пр. и чем они прославились. Смешно для тех, кто помнит лично или хотя бы нормально знает историю, — хотя, казалось бы, уж Сталину-то новые памятники чуть не каждый день сегодня в России ставят...

Но что характерно. Порой самые дурацкие версии озвучивают, самая смешная путаница возникает в ответах. Но никто не говорит: «Не знаю, первый раз слышу эту фамилию».

Про нас-то с вами и через пятьдесят, и через сто лет на улицах никого спрашивать не будут. Ибо кому мы нужны — и кто нас знает?? — кроме родни и друзей?..

38. Это мизерная малость, почти ничто, если разобраться по существу, тщательно и детально. Если взять масштабом семь миллиардов населения Земли и хотя бы последние пять тысяч лет человеческой истории.

Но и это — огромная привилегия. Доступная далеко-далеко не всем.

Прилетает по ночам ворон.
Он бессонницы моей кормчий.
Даже если я ору ором —
Не становится мой ор громче.

Он едва на пять шагов слышен.
Но и это, говорят, слишком.
Но и это — словно дар свыше:
Быть на целых пять шагов слышным!

Александр Галич

Словно дар свыше — если имя твое через сто лет после твоей смерти каким-то чудом, неизвестно откуда взявшись, зацепилось и висит на самом краешке сознания современного школьника или студента. Или даже вполне взрослого человека. Где-то он, значит, о тебе слышал, или на уроке, или от родителей, друзей, коллег; или в СМИ попалось, или в интернете. В Википедии где-нибудь.

Это огромная, немислимая привилегия. Даже если парень путается и не помнит точно, кем ты был — то ли министром, то ли артистом, то ли спортсменом.

Потому что за эти сто лет миллионы и миллионы людей умерли, сгинули, исчезли; исчезли уже и их дети, и дети их детей — и ни о ком из них этот пацан не слышал. О них негде услышать. О них ни слова нет ни в учебниках, ни даже в спецкурсах, ни в газетах, ни по ТВ, ни в Википедии...

39. Вот — грубо говоря — и весь смысл жизни, какой только можно себе представить. Самый, так сказать, полный и безусловный его вариант.

Нет, весь я не умру...

Александр Пушкин

Хотя и он, конечно, жалок, мелок, куц, ничтожен — и абсолютно неполон.

Но лучшего пока что не выдуманно.

Это как свет давно погасших звезд, доходящий до нас, до Земли, только сейчас, спустя тысячелетия после их гибели. Давно, очень давно

нет уже на свете Платона — но мир читает его «Диалоги» и будет читать всегда. Пока жив.

И не то что Платон идеален (нет — он ведь, как пишет Поппер, первый в истории идеолог тоталитаризма). Нет.

Самую большую истерику — причем с разных сторон — самый большой шквал негодования вызовет, конечно, то, что в эту концепцию наравне с великими писателями и пр. включаются и великие мировые злодеи. Ленин, Сталин, Гитлер и пр. (А у коммуняк и советско-путинских великодержавников в целом — скрежет зубов вызовут, несомненно, в этом перечне угасших звезд Бандера, Шухевич, генерал Власов...)

40. В математике есть такое понятие — модуль числа. Это значение числа в его абсолютном, так сказать, выражении, без знака. Пять или минус пять — это в обоих случаях $|5|$, т.е. «пять по модулю». Разницы между «плюс» и «минус» тут нет вообще никакой. В советское время эти модули проходили по математике в пятом классе средней школы.

Нет сомнения, что тоталитарные тираны XX века, сознательно истреблявшие людей десятками миллионов, — чудовищные злодеи. Кто бы сомневался.

Вопрос лишь в том, что их — именно по причине их злодейств — весь мир знает и весь мир

помнит. Такое и захочешь — не забудешь (даже если поносить абсолютно все советские памятники, которые коммуняки защищают стандартным слоганом: «Это наша история!» ТАКУЮ историю даже без единого памятника и при всем желании забыть — хрен забудешь!)

Их — помнят. А добрую одинокую старуху, кормящую кошек у подъезда — забудут после ее смерти очень быстро. Кроме того, что она кошатница — кто о ней что знает уже и сейчас, хотя она в этом доме двадцать лет живет со дня его сдачи в эксплуатацию?

Или вот, например, жил когда-то в Москве такой человек — Виктор Попков, дьякон старообрядческой церкви. Осенью 1999 г. он долго держал прямо на улице, в палатке, голодовку против начала 2-й русско-чеченской войны, затеянной исключительно для возведения Путина на престол. Потом уехал в Чечню — помогать жертвам бомбежек. В возрасте далеко не юном — лично на спине разносил по горам нуждающимся мешки с мукой и прочую гуманитарную помощь. Был тяжело ранен, срочно вывезен из Чечни усилиями местных жителей и «статусных» правозащитников — и в апреле 2001 г. скончался в госпитале, в Подмосковье.

Виктор Попков — герой, подвижник, святой человек. А много ли народу в России слышали это имя при его жизни? Тем паче — много ли из

140+ млн. помнят его сейчас? Не говоря уже о мире, о населении Африки, например. Сайт его памяти, сделанный энтузиастами на сфере narod.ru, приказал долго жить вместе с сервером... А Сталина или Мао — благодаря их грандиозным злодеяниям — знают и помнят во всем мире, и будут помнить. Вот он где, «модуль»-то...

Ничего не поделаешь. Так устроено человеческое общество, человеческая история. Прямо по старухе Шапокляк:

Кто людям помогает —
Лишь тратит время зря!
Хорошими делами
Прославиться нельзя.

41. В так сказать, человеческом, высоконравственном, глубоко моральном и т.п. исчислении — простая безвестная старуха-кошатница, никому в жизни зла не сделавшая, стоит уж точно выше Сталина (даже если она верит, что при нем был «порядок»). Но вот «по модулю» — Сталин выше. Потому что известность его в мире несравненно больше. Известность благодаря преступлениям, да.

Особенно забавно звучат возражения, что, мол, «я бы ни за что не хотел себе такой славы, как у Сталина или Гитлера, — лучше уж умереть

безвестным, не найти смысла в своей жизни и т.д., чем найти ценой таких преступлений и прославиться так, чтобы тебя потом не проклинали».

Это вполне объяснимо, что хорошая слава лучше дурной и что быть прославленным, как Гитлер — желающих мало. Проблема лишь в том, что и захоти этого наши чистоплюи-моралисты — им уже не судьба. Гитлер, милые, тоже к своей (мрачной) мировой славе шел долго и не таким гладким путем. Воевал в 1-ю Мировую, сидел в тюрьме, страстно ораторствовал перед большими толпами, написал (в тюрьме) книгу, создавал партию, приводил в движение целую большую европейскую нацию, побеждал на выборах; был главнокомандующим, жизнь, между прочим, кончил самоубийством... Он сделал очень много зла, да — но он не морализировал, лежал на диване, о том, «что такое хорошо и что такое плохо», а действовал, активно действовал и двигался к намеченной цели всю свою жизнь.

А когда моралисты приходят к выводу, что мировой славы Гитлера они ни за что бы не хотели — им ее уже и при большом желании не получить. Поздно. Поезд ушел. Такие вещи начинаются с юности, порой с малолетства — и обычно с целью скорее добиться чего-то хорошего для родины, нации, рабочего класса или еще какой-то вне тебя самого лежащей абстракции — чем мировой славы для себя лично. Ибо как ни

кошунственно покажется многим подводить гитлеров и сталиных под формулу Ортеги-и-Гассета про благородство — но, увы, формально, «по модулю», они тоже под нее подходят. Поскольку старались (по крайней мере, до обретения высшей власти) не для себя лично.

42. Это только сайт актуальных политических новостей может иметь название «Грани» (за сверхактуальность этих новостей — о политзаключенных, например — он в России и заблокирован уже пятый год). А вы видели камешки на берегу моря? Те, которые называются «галька», которые катают и омывают каждый день отливы и приливы на протяжении веков и тысячелетий?

Так вот: они круглые, обкатанные волнами, гладкие, ровненькие. Никаких граней у них нет.

Океан времени — Вечность — вот так же точно обкатывает и политические события нашего времени, превращая их в исторические, стирая все грани и углы их злободневности и остроты. Кого, скажите, сейчас искренне, до глубины души, до поднятия артериального давления и непроизвольного сжимания кулаков волнуют расправы римских императоров над первыми христианами? Или то, правдой или неправдой были все обвинения Филиппа Красивого против разгромленного и ордена тамплиеров? Или что

англичане сожгли Жанну д'Арк? Или как жгли «колдунов» и «ведьм» в Средневековье? Нехорошо, да; дикость, иногда, ради красного словца, приводимая в пример и сегодня, — но как актуальное, важное лично для себя, заставляющее биться сердце и сжиматься кулаки — это уже не волнует. Это просто факты далекого прошлого. История.

Вот так же когда-то — лет, может быть, через пятьсот — будет и с тиранами XX века. Их будут упоминать в школьном курсе истории, как и сейчас упоминают Нерона или Калигулу, они будут в истории персонажами мрачными — но личным, жгучим это ни для кого уже не будет.

Время стирает грани злободневности...

Еврейский праздник Пурим, казалось бы, специально заповедан евреям предками, дабы они никогда (!) не забывали не только о факте спасения их народа от гибели, но и об отношении к персонажам той давней истории. И хотя полагается стучать при произнесении имени негодяя (Амана), дабы стуком заглушать его имя; хотя все раввины и прочие организаторы празднования проповедуют, что все это — и отношение к злодеям и к спасителям народа тоже — на 100% актуально по сей день, — заповедь этого праздника: Пурим — единственный день в году, когда еврей ОБЯЗАН напиться так, чтобы на слух не отличать имя Мордехая от имени Амана. Поэтому де-

факто — евреям по барабану и Мордехай, и Аман, а праздника этого они ждут просто как дня веселья и разрешенной (!) пьянки.

Де-факто, значит, несмотря на убеждения раввинов в обратном — «модуль» срабатывает и тут.

43. Может быть еще такой промежуточный вариант. Если человек с юности работает — и не пропивает, не проматывает зарплату на всякие пустяки, а копит, откладывает, трудится трезво и усердно, делает карьеру, приносит пользу себе через пользу обществу (что связано узами рынка неразрывно) — то к старости, по идее, он не будет нуждаться даже в государственной пенсии. У него будут свои накопления, сделанные за жизнь, — и он сможет жить на проценты от них. Он не просто наплодит детишек и будет радоваться на них, считая, что в них и есть весь смысл его жизни, — нет, он сможет при необходимости материально помочь детям и внука, а после смерти — оставить им что-то, кроме обшарпанной панельной квартиры, полученной полвека назад от государства, как это обычно бывает в России. И тогда — по идее, опять же — прожитую им жизнь можно будет хоть как-то, хоть приблизительно, но все же оценить во в этой накопленной им сумме, — не слишком ли скромно живет на проценты с нее он сам в старости, сколько оставил детям... Запад-

ные пенсионеры, здоровые и полные бодрости, посвящают свою старость туризму, ездят по миру, смотрят на памятники, наслаждаются жизнью, их полно и в Москве, и в Питере...

Впрочем, этот вариант, конечно, не для России. Экономика России после всех приватизаций, ваучеров, аукционов и пр. и пр. так и останется на две трети государственной (и огосударвляется все больше). Если это и не социализм по Ленину — то, во всяком случае, интервенционизм, или социализм по Гинденбургу, — как называл эту экономическую модель Мизес. Какую зарплату платить работникам — тут диктует бизнесмену бюрократическое государство, принимая законы о всяких минимумах, о запрете локаутов и т.д. — в абсолютно левом, СССР-овском духе; а повышение цен на продукты в ЧАСТНОЙ компании регулярно становится поводом для обращений в прокуратуру (!!). Тут и при абсолютной трезвости и деловитости (впрочем, почти в этой стране не встречающихся) нельзя ничего скопить, а если б и было можно — скопленное негде держать, ибо банки под полным контролем государства, оно диктует им все условия работы с клиентом, размеры выплачиваемых процентов, в любой момент может закрыть любой банк (так называемый «отзыв лицензии») и т.д. В этой гиблой, пропащей, выморочной стране нельзя ничего

нажить, а можно только потерять и то, что имел, включая не только деньги, но и саму жизнь.

Считать смысл жизни в абсолютных цифрах — в деньгах ли, или в друзьях на странице Фэйсбука — конечно, очень заманчиво. Но даже эта возможность, увы, не отменяет того непреложного факта, что потомство смертно как с полученным щедрым наследством, так и без него; что память о человеке меркнет, растворяется в отдаленных поколениях, не знавших его лично, если только за свою жизнь он не оставил памяти о себе не одним лишь своим потомкам, а человечеству (или хотя бы своему народу) в целом.

44. Да, только имя остается от человека. Только имя — и больше ничего. Имя, которое можно случайно где-то услышать, она зацепится, закрепится где-то на периферии сознания — и если услышишь опять, или сам почему-либо вспомнишь и заинтересуешься — можно — заглянуть в энциклопедию и узнать, кто это был такой. Раньше, правда, это было труднее — когда в Советском энциклопедическом словаре 1982 г. была статья «троцкизм», но не было статьи «Троцкий». Теперь, с появлением интернета, Википедии и пр. это стало несравненно проще.

Только имя, и больше ничего. Но оно таки остается! — доброе или дурное, все равно. Оно и

есть тот смысл жизни, который только и возможен в нашем бренном мире: «нет, весь я не умру». Прожить жизнь так, чтобы в памяти народов и поколений быть живым и после смерти. Больше — увы, ничего :((

Мало? А вы попробуйте-ка этого достигнуть!.. Обычно в момент, когда начинают посещать подобные мысли, — уже поздно начинать и пробовать. Вам он и не нужен, говорите? Ну да, зелен виноград! :) Вся штука в том, что если б и было оно вам нужно — все рано не судьба...

Отзвуки дел когда-то живших знаменитостей, их книги и музыка, их открытия и мудрость — вместе с их именами доходят до нас, как свет давно погасших звезд через миллионы световых лет. Впрочем, почему обязательно погасших? И вполне себе реальных звезд еще вполне достаточно. Имена «благородных» по Ортеге-и-Гассету, имена людей, посвятивших себя своему делу, науке, искусству, благу человечества в целом — лучших людей каждой нации, каждой эпохи, каждого поколения, которых в любой день в любой стране живых — по пальцам сосчитать — их имена где-то там, очень далеко, сияют, как звезды сквозь космос. Еле-еле, тускло, как и большинство звезд на настоящем звездном небе. Едва видимо — но все-таки сияют!

Это и есть их смысл жизни, обретенный, как это обычно бывает, только после смерти. То, что

мы читаем их книги (даже три тысячи лет назад написанные, — получается, книга важна и может хоть в половине случаев служить для автора пусть и не гарантированным, не стопроцентным — но все же пропуском в бессмертие!). То, что мы можем, если надо, посмотреть о них что-то в Википедии.

А все остальные — это просто навоз, перегной, удобрение для следующих поколений, которые, в свою очередь, тоже станут удобрением для следующих за ними — и так без конца.

И скажите после этого, что жизнь не бессмысленна...

В конце концов, сочинить и повесить в Википедию заметку о себе может каждый. А вот попробуйте-ка добиться, чтобы после обсуждения экспертами эта заметка не была безжалостно выброшена, так как ваша persona ни для кого не представляет интереса!

Для этого надо иметь какие-то заслуги, известность, какое-то общественное значение. А с этим обычно туго. Да и... общественное значение тоже ведь бывает разное.

45. Герострат, сжегший знаменитый храм Артемиды в Эфесе, чтобы прославиться, собственно, достиг своей цели. Прославился. Имя его стало нарицательным, часто употребляется и сегодня. Чего же еще?

И морализировать на тему: хорошо ли иметь настолько дурную славу или нет, нужна ли она — такая — вообще, — бессмысленно. Тем, кто говорит, что не нужна, она обычно и не грозит — даже при всем желании. «Хорошо» и «плохо» — вообще понятия чисто субъективные, полностью зависят от критериев. (Волк считает, что жрать овец — хорошо, а овцы — что это очень плохо). Есть только «модуль» — самый факт известности, измеряемый в точных значениях (наличие тех же статей, допустим, в энциклопедиях, а в наше время — количество запросов в поисковиках или друзей в соцсетях). И этого «модуля» Герострат вполне себе достиг.

«Хорошими делами прославиться нельзя, говорите? Да, или, во всяком случае, куда как трудно. Надо долгий, долгий путь пройти, с полной неизвестности и беспомощности начиная — пока заслужишь, чтобы, как «доктора Лизу» — Елизавету Глинку — после смерти в СМИ называли «святая»...

Другое дело — какой из современных храмов РПЦ в Москве надо сжечь, чтобы прославиться так, как Герострат? :) Неужели ХХС, храм спаса на химчистке и автомойке, принадлежащий — как это показал процесс над «Pussy Riot» в 2012 г. — даже не РПЦ, «оскорбившемуся» панк-молебном «PR», а мэрии Москвы? Увы! — при Герострате не было ни пожарной сигнализации,

ни автомобилей, ни многого другого. А сейчас — потушат, не успеет он сгореть! :) Да и вообще, он же бетонный, он только внутри может выгореть, это легко поправимо, а стены-то останутся.

Самое забавное — и, может быть, грустное одновременно — что сегодня и следование рецепту Герострата уже не принесет геростратовой славы. Ну, по ТВ в криминальной хронике (без фамилии!) покажут, срок дадут приличный; выйдешь — может, кто захочет интервью взять. (Если еще вместо лагеря в психушку не упекут, — всякое бывает, особенно если о геростратовых мотивах сказать). И только. Времена нынче не те, войти во все энциклопедии путем Герострата уже не получится...

Где же его искать, этот отсутствующий смысл жизни? Или — как смириться с тем, что его нет? Как отделаться от подспудного, порой не осознаваемого даже желания: немедленно покончить с собой в знак протеста против краткости, бренности и бессмысленности жизни — когда поймешь с несомненностью, что она коротка, брэнна и, ввиду неизбежности смерти, абсолютно бессмысленна?..

46. Что можно сделать? Что изменить в своей жизни? Оборвать ее немедленно, так как конец все равно неизбежен, зачем тянуть? Или смириться — и медленно угасать еще двадцать лет, пусть даже в заботах о внуках, не замечая, что

угасаешь? Как советуют в известной песне из рязановского «Служебного романа»:

Смену лет, закаты и восходы,
И любви последней благодать,
Как и дату своего ухода —
Надо благодарно принимать.

У природы нет плохой погоды,
Ход времен нельзя остановить,
Осень жизни, как и осень года,
Надо, не скорбя, благословить...

М-да, вот остановить бы ход времен... О чем еще остается мечтать человеку, который за всю жизнь не написал ни одной книги, не сделал ни одного открытия, не был даже депутатом парламента — и сознает, что он — никто, что темные воды забвения навсегда сомкнутся над ним уже скоро — и неотвратно, несмотря на наличие детей и внуков?.. Понять уже в зрелом возрасте, что жизнь, собственно, прошла зря и что ничего уже нельзя изменить, — о, это тяжкое испытание, не дай бог никому! От этого не скоро оправишься — если оправишься вообще...

Тема эта так же важна, как и сам человек. Бессмертия хотелось всегда. «Средство Макропулоса» Карела Чапека, «Москва — 2042» Войновича, «Гарри Поттер и философский камень» Джоан Роулинг — далеко не все книги, где фигу-

рирует тема бессмертия и продления жизни. И у Хайнлайна была на сей счет фантастическая повесть «Дети Мафусаила» — о долгожителях по тысяче и больше лет.

Ученые работают, иногда кое-что попадает в СМИ и интернет. Вот не угодно ли?

«Главный месседж команды ученых под руководством академика Владимира Скулачева заключается в том, что старение — это регулируемый процесс, некая программа биохимического самоубийства, заложенная на генетическом уровне, которая в определенный момент запускается в теле человека.

— Давно доказано, что во всех клетках есть программа апоптоза (запрограммированной смерти). Биологические системы умеют сами себя уничтожать. Мы считаем, что старение — как раз такая программа. А если это программа, ее можно «отключить».

Первый постулат Скулачевых — «Старость — это вовсе не обязательная программа». Смерть — это важный механизм эволюции, с помощью которого идет смена поколений. Но к смерти можно прийти и не через механизм старения. Сегодня ученые бьются не над проблемой бессмертия (это невозможно), а прежде всего над проблемой активного долголетия.

Сегодня главный тотем геронтологов со всего мира — это голый землекоп, зверек, обитающий

в африканских пустынях. Феномен землекопа в том, что он не стареет и фактически не болеет раком (онкозаболевания также являются возрастозависимыми) [...] Если землекоп в процессе эволюции как-то отключил механизм старения, это может сделать и человек».

Портал «Вечная молодость»

<http://vechnayamolodost.ru>

5.07.2016

Что ж, дай бог (которого нет)! Дай бог победить хотя бы старение. Но все же — безумно жаль, согласитесь, что бессмертие так и останется недостижимым...

Потому что, согласитесь, тупо же читать детектив, у которого выдраны последние страницы! Живешь-живешь, интересуешься тем, что происходит вокруг, следишь за политикой, скажем, или за литературой, или за наукой — и знаешь, что не дано, не дано тебе увидеть, ЧТО будет в политике или в науке в 2100-м, например, году!.. :((

Тем паче, что у детектива хотя бы есть конец, а для истории человечества или хотя бы только для науки — 2100-й год вовсе не предел. Можно и о 2200-м подумать. Пределов мечте нет — а вот возможности ограничены... :((Поневоле рождает это такую досаду, такое отчаяние, такой жгучий протест, что — только суицид, раз уж ничего из-

менить, ничего от природы добиться все равно нельзя...

Хотя — с другой стороны — если люди продолжат рождаться, но перестанут умирать, то планете грозит перенаселение.

Хотя — с третьей — развитие науки сейчас таково, что можно прокормить всех желающих, — если, конечно, не сдерживать искусственно науку бредовым морализированием, запретами как «нравственными», типа запрета клонировать людей, так и вполне себе юридическими — вроде принятого в России закона о запрете ГМО.

Конечно, «на собственные похороны никогда не опоздаешь». Этот автобус дождетя в любом случае». (Спасибо Кириллу Пинхосовичу Подрабинеку, диссиденту и политзэку еще советского времени, за эти замечательные формулировки.) Спешить некуда. Да и трупику нашему, провожаемому в последний путь, будет уже абсолютно все равно, много ли народу пришло на похороны, какие речи говорятя (и говорятя ли они вообще), кто и как долго будет — или не будет — помнить нас после смерти.

НЕ все равно это живому человеку, живущему на свете «здесь и сейчас». Мысль о том, что ты живешь — и жизнь твоя абсолютно бессмысленна, ибо конечна — и ты это знаешь — и все равно

ничего не можешь изменить, — способна полностью отравить эту самую жизнь.

С другой стороны, тех (большинство), кого это не волнует, кому на это плевать, кто сознательно (а не только по недостатку свободного времени) предпочитает об этом вообще не думать, — можно назвать лишь изрядно толстокожими, мягко говоря, туповатыми.

Ничего не стоит она — эта жизнь, короткая, обреченная, полная страданий не ведущая никуда. Черт ли в ней? Зачем она нужна — чтобы бессмысленно цепляться за нее?

И в чем же тогда смысл жизни? В том, что для громадного большинства — никакого смысла в ней нет. Никакого. А только лишь для тех единиц, кому посчастливилось прожить жизнь не зря — и оставить свое имя потомкам. Хотя — что радости, если твое имя будут знать эти поколения мотыльков-однодневок?..

47. Умрешь — и уже не узнаешь, как оно там без тебя, как живут дети и внуки, кто вспоминает тебя и чем, — догадывайся сейчас, пока жив, исходя из нынешних раскладов. Если надолго заболеешь или еще почему-нибудь выпадешь из активной жизни — все-таки можешь еще узнать, хотя бы потом, как ОНО там все — без тебя...

А бывает еще так: окончился какой-то большой период в жизни — и ты смотришь на него уже издали, как с того берега... почти что как с того света! Ты тот же самый, вокруг все то же самое — и уже не то... Ну, самый простой пример: после долгой семейной жизни развелся — и живешь теперь один, в другом месте. Большая, долгая, важная полоса жизни — миновала, началось что-то новое. Или, допустим, завел ты бизнес, вложил кучу денег, выстроил себе собственный магазин где-нибудь у метро — а через 20 лет его вдруг взяли да и снесли без разговоров! Как в феврале 2016 г. в Москве Собянин взял да и снес в одну ночь больше ста павильонов и магазинов, открыто наплевав на все предъявляемые владельцами документы и свидетельства о собственности, объявив их — бездоказательно, разумеется — полученными в 90-е годы за взятки.

Уж не говорю о тех случаях, когда на твой дом упала бомба — и в один миг не осталось никого и ничего от всей твоей прежней жизни. Так бывало со многими в Чечне за две войны.

Вот так вот. Было — и сплыло, кончилось... И ты стоишь на берегу, провожая глазами уходящий весенний лед, глядя на недоступный тот берег. Это не смерть, конечно, и река — не Стикс, — нет, это возможность при жизни начать все заново, с чистого листа. Редкая возможность — и очень редко когда приятная...

Когда Вселенная потужась,
Себя на свет произвела,
Мир поразил и этот ужас,
Что все свершенья, все дела,

Все мирозданье и законы,
Планеты, камни, человек —
Найдут конец во время оно,
И время свой окончит бег.

И этот ужас отголоском
Пришел, с Галактикой кружась,
И никаким суждением плоским
Его не вытравить из нас.

Его удар — как будто плетью,
Когда незрима эта плеть.
А мы бессильны перед смертью.
И как нам страх преодолеть?

Кирилл Подрабинек

Страх смерти... Как же преодолеть его? Еще Троцкий в 30-е годы, делая политические прогнозы мирового масштаба, оговаривался: если какая-нибудь космическая катастрофа не уничтожит в ближайшее время нашу планету. Наверное, если бы уничтожила — и то было бы не так обидно помирать одному, зная, что так и не дос-

мотришь, не узнаешь, что там дальше и чем все кончилось...

Или как русские раскольники в XVII веке: не ожидая от власти, которую они считали антихристовой, ничего хорошего, — они коллективно сжигались в своих скитах. Когда думаешь, что настал конец света, и умираешь вместе со всеми, а не один — наверное, это все-таки легче...

Что делать, как преодолеть? Черт его знает... Смириться и жить, тянуть свою лямку, свой воз, ради детей (которые тоже отнюдь не вечны). Или кончать суицидом, кинув свою смерть в лицо этому нелепому миру, этой природе, отнимающей то, что сама и дала, каким-нибудь максимально эффектным способом. Или проклинать бога (если всю жизнь верил в него) и ту же природу деревенеющим уже языком на смертном одре... Это все равно ничего не изменит, увы.

Просто жить отмеренное тебе — и твердо знать, ясно понимать при этом, что жизнь — бессмысленна. Что никакого смысла в жизни для человека и для человечества нет, кроме чисто биологического продолжения рода: смерть напроць перечеркивает всю твою жизнь. И что горькая правда все равно лучше сладкой лжи.

А на тему продолжения жизни с помощью науки, как и вообще бессмысленности жизни в перспективе неизбежной смерти — есть блистательное стихотворение Юрия Нестеренко, вели-

кого (без преувеличения) русского поэта современности, с 2010 г. живущего в США (и потрясающего писателя-фантаста, чей рассказ «Глотка» процитирован выше). Это стихотворение нет смысла цитировать, его надо приводить здесь полностью. Оно написано 31.10.2002 в Москве.

Месячные итоги,
Неразгребенный хлам -
Сунуть в ботинки ноги,
Двинуться по делам,

Но при такой погоде
Лучше повременим...
Вот и октябрь уходит -
Черт бы, конечно, с ним,

Осень я ненавижу
И в жизни не люблю,
Но торопить — «пройди же!» -
Больше не тороплю.

Возраст, как говорится,
Вступает в свои права.
Черт бы побрал их, тридцать.
Добро хоть не сорок два.

Но и о тех когда-то
Скажем: «Добро хоть не...»
Время штурмует даты
В навязанной нам войне.

Это все чушь — про воды,
Что к морю несет река...
Мы оставляем годы,
Как рубежи — войска.

Это не таймы-геймы,
И не театр-кино -
Линия Маннергейма,
Линия Мажино.

Пятимся, отступая -
Реки, леса, пески...
Правда, как боль тупая,
Сдавливает виски:

Верное поражение,
С первого шага — вспять.
Мерное продвижение -
Теряем за пядью пядь.

Что не вернуть их — ладно,
Не велика напасть -
В детство опять досадно
Было бы мне попасть.

Юность — не так уж важно,
Тридцать — сойдет по мне,
Сорок и то не страшно,
И пятьдесят — вполне,

Только бы встали спицы
Чертова колеса,

Только бы закрепиться,
И больше — ни полчасика!

Но бесполезно злиться
И мира искать с судьбой.
Враг нас теснит к столице.
Там наш последний бой -

Жалкий и обреченный,
Коль не сместить баланс...
Поторопись, ученый!
Дай нам последний шанс!

Будет ли враг раздавлен?
Верить — старо, старо...
...Вот и октябрь оставлен
В сводках Информбюро...

январь-июнь 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I. НЕТ – ЗНАЧИТ, И НЕ БЫЛО?	3
II. КЛОК СЕНА	22
III. СВЕТ ПОГАСШИХ ЗВЕЗД.....	78

Борис Стомахин

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Дизайн обложки М. Савченко

Оригинал-макет Б. Радковский

Редактор

Н. Васильченко

Формат 70x100^{1/32}

Усл. печ. л. 5,3. Подписано в печать 22.07.2018

Печать офсетная.

